

Ежевичное вино

Автор:

[Джоанн Харрис](#)

Ежевичное вино

Джоанн Харрис

Трилогия еды #2

Вино способно творить чудеса и новые миры. Джей Макинтош, писатель, который не пишет, безнадежно застряв в прошлом, находит шесть бутылок домашнего вина, чудом сохранившихся со времен его детства, о котором он вспоминает с острой ностальгией, наслаждением и горечью. Чудаковатый старик-садовод, навсегда перевернувший жизнь Джея, а потом исчезнувший без следа, создал вино, которое переворачивает жизнь. Поиск себя, своего места в мире, своего потерянного таланта гонит Джея прочь из Лондона во Францию, где он находит то, что, казалось, было навеки утрачено. Бесподобный роман Джоанн Харрис "Ежевичное вино" – о чувствах и чувственности, о винах и вине, о правде, дружбе и волшебстве, о любительской алхимии.

Джоанн Харрис

Ежевичное вино

Моему деду Эдвину Шорту,

садоводу, виноделу и поэту в глубине души

Вино говорит. Это общеизвестно. Оглядитесь. Спросите уличного оракула, незваного гостя на свадебном пиру, юродивого. Оно говорит. Оно чрево вещает. У него миллион голосов. Оно развязывает язык, выбалтывая тайны, которые вы не собирались выдавать, тайны, которых вы знать не знали. Оно кричит, разглагольствует, шепчет. Оно говорит о великих вещах, о гениальных планах, трагических страстях и ужасных предательствах. Оно хохочет до упаду. Оно тихонько хихикает себе под нос. Оно рыдает при виде собственного отражения. Оно вытаскивает на свет летние дни, давно минувшие, и воспоминания, крепко забытые. От каждой бутылки веет иными временами, иными местами; каждая, от простецкого «Молока Мадонны»[1 - Немецкое белое полусладкое вино из регионов Рейнхессен и Наэ, производится множеством винодельческих компаний. Здесь и далее примечания переводчика.] до надменной «Вдовы Клико» 1945 года, – скромное чудо. Джо называл это будничным волшебством. Превращение низменной материи в грезы. Любительская алхимия.

Возьмите, к примеру, меня. «Флэри»[2 - Легкое и нежное «дамское» вино из региона Божоле. (Здесь и далее, если указан регион, но не указана страна, речь идет о Франции.)] 1962 года. Последний из двенадцати могикан, разлитых и уложенных в деревянный ящик в год рождения Джея. «Бойкое, говорливое вино, веселое и немного нахальное, с пикантным привкусом черной смородины», если верить этикетке. Не из тех вообще-то, какие хранят, но он сохранил. Из ностальгии. Для особого случая. Дня рождения или, может, свадьбы. Но дни рождения он не отмечал; пил красное аргентинское и смотрел старые вестерны. Пять лет назад он выставил меня на стол меж серебряных подсвечников, но ничего не вышло. Тем не менее с девушкой они поладили. Она привела с собой целую армию бутылок – «Дом Периньон», «Столичную» водку, «Парфе Амор»[3 - Фруктово-цветочный ликер сиреневого цвета.] и «Мутон Каде»[4 - Массовое вино из региона Бордо.], бельгийское пиво в бутылках с длинными горлышками, вермут «Нуайи Пра» и «Фрез де Буа»[5 - Земляничный ликер.]. Они тоже говорят, в основном чепуху, металлически щебечут, этаким светский треп на вечеринке. Мы отказались иметь с ними дело. Нас задвинули в дальний угол винного погреба, – нас, трех могикан, за сверкающие шеренги пришельцев, где мы и пребывали пять лет, позабытые. «Шато Шалон»[6 - Драгоценное желтое вино из региона Юра.] 1958-го, «Сансёр»[7 - Изысканное красное или белое вино из региона Сансёр (долина Луары).] 1971-го и я. «Шато Шалон», раздосадованный своей ссылкой, притворяется глухим и часто вовсе отказывается говорить. «Зрелое вино исключительного достоинства и стати», – цитирует он во время редких приступов экспансивности. Он любит напоминать нам о своем старшинстве, о долголетию желтых вин Юра. Он крайне высоко ценит свое

долголетие, наравне с медовым букетом и уникальным происхождением. «Сансёр», давным-давно превратившаяся в уксус, говорит и того меньше и лишь время от времени тихонько вздыхает о своей утраченной юности.

А потом, за шесть недель до того, как началась эта история, явились другие. Незнакомцы. «Особые». Чужаки, которые заварили всю эту кашу, хотя они тоже, казалось, затерялись за блестящими новыми бутылками. Их было шестеро, у каждого – своя маленькая, от руки написанная этикетка, пробки запаяны свечным воском. У каждой бутылки вокруг горлышка – шнурок своего цвета: красный, как малина, зеленый, как бузина, синий, как ежевика, желтый, как шиповник, черный, как тернослив. Последняя бутылка, обвязанная коричневым шнурком, содержала вино, о каком даже я не слышал. «Особые, 1975», гласила этикетка, буквы выцвели до оттенка старого чая. Но внутри тайны жужжали пчелиным ульем. От них не было никакого спасения, от их шепотков, свиста, смеха. Мы делали вид, что нам плевать на их кривляние. Дилетанты. Ни один из них и не пах виноградом. Они ниже нас, и мы скупилась выделить им место в своем кругу. И все же было нечто трогательное в бесстыдстве этих пиратов, лихорадочная кутерьма ароматов и образов, под натиском которой более серьезные марочные вина дрогнули. Конечно, заговорить с ними было ниже нашего достоинства. Но как же мне хотелось! Возможно, нас соединил мой плебейский привкус черной смородины.

Из подвала было слышно все, что происходит в доме. Мы помечали события появлением и исчезновением наших более успешных коллег: двенадцать бутылок пива вечером пятницы и смех в передней; накануне бутылка калифорнийского красного, такого молодого, что почти слышен был запах танина[8 - Фенольные соединения, придают красным винам терпкость и горечь.]; на прошлой неделе – в день его рождения, как выяснилось, – девичьи полбутылки «Моэт», самый одинокий, самый разоблачительный из объемов, и далекие, ностальгические выстрелы и топот копыт наверху. Джею Макинтошу стукнуло тридцать семь. Обычное дело, но его глаза, глаза цвета индиго, цвета пино нуар[9 - Сорт черного винограда.], были глазами неловкого, слегка озадаченного человека, который заблудился. Пять лет назад Керри находила это привлекательным. Теперь она потеряла вкус к потерянности. Что-то невероятно раздражало в его пассивности и в упрямстве, крившемся за ней. Ровно четырнадцать лет назад Джей написал роман «Три лета с Пьяблочным Джо». Разумеется, вы о нем слышали. Роман получил Гонкуровскую премию и был переведен на двадцать языков. Сообщение о премии отметили тремя ящиками «Вдовы Клико» 1976 года, выпитой слишком рано, чтобы оценить ее по достоинству, но Джей всегда был такой: набрасывался на жизнь так, словно она

никогда не иссякнет, словно то, что закупорено внутри его, будет жить вечно, успех будет следовать за успехом в вихре праздника без конца.

В те дни никакого винного погреба не было. Мы стояли на каминной полке над его пишущей машинкой – на удачу, говорил он. Закончив книгу, он открыл последнего моего собрата 1962 года и очень медленно его выпил, после чего довольно долго крутил бокал в руках. Потом подошел к каминной полке. Секунду он стоял рядом. Затем усмехнулся и, пошатываясь, вернулся в кресло.

– В другой раз, дорогой, – пообещал он. – Подождем другого раза.

Видите ли, он говорит со мной, как однажды я заговорю с ним. Я его самый старый приятель. Мы понимаем друг друга. Наши судьбы переплетены.

Конечно, другой раз так и не наступил. Телевизионные интервью, газетные статьи и рецензии постепенно сошли на нет. В Голливуде сняли фильм с Кори Фелдманом, перенеся действие на Средний Запад. Прошло девять лет. Джей написал часть романа, озаглавленного «Отважный Кортес», и продал восемь рассказов «Плейбою» – впоследствии они вышли сборником в «Пингвин букс». Литературный мир ждал нового романа Джея Макинтоша – сперва страстно, потом в нетерпеливом любопытстве и наконец, что неизбежно, с равнодушием.

Конечно, он продолжал писать. Семь романов на сегодняшний день, с названиями вроде «Ген И-sus», или «Пси-пташки с Марса», или «Свидание со С. Мэртью», все опубликованные под псевдонимом Джонатан Уайнсеп[10 - «Джонатан» и «Уайнсеп» сорта яблок.], добротные коммерческие вещи, позволившие ему продержаться на плаву эти четырнадцать лет. Он купил компьютер, ноутбук «Тошиба», и держал его на коленях, подобно полуфабрикатным обедам, которые сам готовил по вечерам – ныне все чаще, – когда Керри работала допоздна. Он писал рецензии, статьи, рассказы и газетные колонки. Он читал лекции начинающим сочинителям, вел творческие семинары в университете. У него так много дел, шутил он, что едва хватает времени писать самому, – неубедительно смеялся над собой, писателем, который никогда не пишет. Керри смотрела на него, поджав губы, когда он об этом разглагольствовал. Познакомьтесь с Керри О'Нил, урожденной Кэтрин Марсден: двадцать восемь лет, короткие светлые волосы и изумительные зеленые глаза, продукт цветных контактных линз, о чем Джей и не подозревал. Журналистка, преуспевшая на телевидении посредством «Форума!» – ночного ток-шоу, где популярные авторы и звезды второй величины обсуждали

социальные проблемы современности под авангардный джаз. Пять лет назад Керри, возможно, улыбнулась бы его словам. Однако пять лет назад «Форума!» не было, Керри вела колонку о путешествиях в «Индепендент» и работала над книгой «Шоколад: наблюдения феминистки». Мир был полон возможностей. Книга вышла через два года, на волне интереса СМИ. Керри была фотогеничной, раскупаемой и мейнстримной. В результате у нее взяли множество легковесных интервью. Она снялась для «Мари Клер», «Тэтлера» и «Я!», но быстро уверила себя, что это не вскружило ей голову. У нее был дом в Челси, pied-a-terre[11 - Временное жилье (фр.).] в Нью-Йорке, и она подумывала отсосать жир с бедер. Она выросла. Изменилась.

Но для Джея ничего не изменилось. Пять лет назад, выпивая по полбутылки «Смирновской» в день, он казался олицетворением артистического темперамента, обреченным, трагическим героем романа. Он пробуждал в Керри материнский инстинкт. Она собиралась спасти его, вдохновить, а взамен он напишет чудесную книгу, книгу, которая озарит жизни людей, и все это благодаря ей одной.

Но ничего не вышло. Дрянная фантастика – вот что оплачивало счета; дешевые книжки в аляповатых бумажных обложках. Он ни разу не достиг зрелости, озорной мудрости своей первой работы, даже не попытался достигнуть. И несмотря на угрюмые паузы, говорить о взрывном нраве Джея не приходилось. Он никогда не поддавался порыву. Никогда не выказывал злость, никогда не терял контроль. В общении он умом не блистал, не был интригующе груб. Даже его пьянство – единственное, в чем он оставался неумерен, – теперь казалось нелепым, подобно человеку, что упорно носит вышедшие из моды фасоны своей юности. Он проводил время за компьютерными играми, слушал старые синглы и смотрел старые фильмы по видео, неизменный в своей незрелости, подобно мелодии, замурованной в дорожке грампластинки. Возможно, она ошибалась, думала Керри. Он не хотел взрослеть. Он не хотел, чтобы его спасали.

Пустые бутылки рассказывали другую историю. Я пью, говорил себе Джей, потому же, почему пишу второсортную фантастику. Не для того, чтоб забыть, а для того, чтобы вспомнить, чтобы откупорить прошлое и вновь найти в нем себя, подобно косточке в горьком плоде. Каждую бутылку он открывал, каждый рассказ начинал в тайном убеждении, что вот здесь таится волшебный эликсир, который его возродит. Но магия, как и вино, хороша лишь в определенных условиях.

Джо было что рассказать об этом. Иначе не произойдет чуда. Букет испорчен.

Полагаю, я ожидал, что все начнется с меня. Это было бы поэтично. В конце концов, мы связаны, он и я. Но эта история начинается с другого вина. Я не слишком расстроен. Лучше быть его последним, чем его первым. Я даже не главный герой всей истории, но я был тут до того, как пришли «Особые», и буду после того, как их выпьют. Я могу позволить себе ожидание. Кроме того, выдержанное «Флэри» должно распробовать, меня не пьют в спешке, а я не уверен, что небо Джея к этому готово.

2

Лондон, весна 1999 года

Стоял март. Даже в погребе было тепло. Джей работал наверху – как обычно, с бутылкой под боком и негромко бормочущим телевизором. Керри ушла на вечеринку в честь учреждения новой премии для писательниц не старше двадцати пяти, и в доме воцарилась тишина. Джей использовал пишущую машинку для того, что полагал «настоящей» работой, и ноутбук для фантастики; по звуку или его отсутствию всегда было ясно, что именно он пишет. Он спустился после десяти. Включил радио, выбрал ретростанцию, и слышно было, как он бродит по кухне, тревожно вышагивает по терракотовым плиткам. Рядом с холодильником стоял винный шкаф. Джей открыл его, помедлил, снова закрыл. Скрипнула дверь холодильника. Там царили вкусы Керри, как и везде. Сок из проростков пшеницы, салат с кускусом, молодые листья шпината, йогурты. На самом деле, думал Джей, ему бы хотелось гигантский сэндвич с яичницей с беконом, кетчупом и луком и кружку крепкого чая. Он знал, что это желание как-то связано с Джо и переулком Пог-Хилл. Ассоциация, вот и все, которая часто возникала, когда он пытался писать. Но с этим давно покончено. Иллюзия. Он знал, что на самом деле не голоден. Вместо еды он закурил – запретная роскошь, приберегаемая для дней, когда Керри нет дома, – и жадно затянулся. Из поцарапанного радиодинамика донесся голос Стива Харли, поющего «Заставь меня улыбнуться» – еще одна песня из далекого, неизбежного лета 1975-го, – и Джей подпел певцу: «Иди сюда, смотри на меня, заставь меня улыбну-у-у-уться», – одиноко, в гулкой кухне.

За нашими спинами в темном погребе копошились чужаки. Может, дело в музыке, а может, сам воздух этого теплого весеннего вечера был словно заряжен возможностями, но, так или иначе, они развили кипучую деятельность, бурлили в своих бутылках, трещали без умолку, ловили собственный хвост, горя от нетерпения заговорить, открыться, выпустить в воздух свою суть. Наверное, потому он и спустился, тяжело ступая по грубым неструганым ступенькам. Джей любил погреб, прохладный, таинственный. Он постоянно сюда заходил – лишь потрогать бутылки, пробежать пальцами по стенам, пушистым от пыли. Я любил, когда он спускался в погреб. Подобно барометру, я ощущаю его эмоциональную температуру, когда он рядом. В какой-то мере я даже могу читать его мысли. Говорю же, между нами особая связь.

В погребе было темно, его освещала лишь тусклая лампочка, свисавшая с потолка. Шеренги бутылок – в основном ничтожных, выбранных Керри, – на полках вдоль стен, в деревянных ящиках на каменных плитах. Джей шел и легонько касался бутылок, поднося лицо близко-близко, словно пытаюсь вдохнуть аромат запертых в них летних дней. Раза два или три он доставал бутылку и крутил в руках, прежде чем вернуть на полку. Он двигался бесцельно, никуда в особенности, наслаждаясь сыростью погреба и тишиной. Даже рев лондонских машин смолк, и на секунду Джей едва не поддавался искушению просто лечь на гладкий, прохладный пол и уснуть – быть может, навечно. Никто не станет его здесь искать. Но вместо этого он окончательно проснулся, настороженный, словно тишина прочистила ему мозги. Воздух вибрировал, хоть и был недвижим, будто что-то вот-вот произойдет.

Новые бутылки стояли в ящике в глубине погреба. Сверху валялась сломанная лестница. Джей сбросил ее и, пытаясь, потащил ящик по каменным плитам. Он выудил первую попавшуюся бутылку и поднес к свету, чтобы расшифровать этикетку. Ее содержимое было темно-красным, почти черным, на дне лежал толстый слой осадка. На мгновение Джей показалось, будто он увидел внутри что-то еще, некую тень, но оказалось, обычная взвесь. Наверху, в кухне, ретростанция по-прежнему играла музыку 1975-го – теперь рождественскую, «Богемскую рапсодию» [12 - Композиция британской рок-группы «Queen».] , тихую, но вполне различимую через пол, – и он задрожал.

Вернувшись в кухню, он с некоторым любопытством изучил бутылку – он едва ли хоть раз взглянул на нее с тех пор, как привез полтора месяца назад: восковая печать на горлышке, коричневый шнурок, написанная от руки этикетка – «Особые, 1975», стекло вымазано грязью погреба Джо. Джей гадал, зачем

забрал ее из развалин. Из ностальгии, вероятно, хотя его чувства к Джо до сих пор слишком двойственны, чтобы позволить себе подобную роскошь. Злость, тоска, замешательство окатывали его контрастным душем. «Старик, ну почему ты не здесь?»

За стеклом что-то скакало и резвилось. Бутылки в погребке дребезжали и плясали в ответ.

Иногда это происходит случайно. После долгих лет ожидания – правильного порядка планет, судьбоносной встречи, внезапного порыва вдохновения – нужные обстоятельства возникают сами собой, украдкой, без фанфар, без предупреждения. Джей полагает это судьбой. Джо называл это волшебством. Но иногда это лишь томление, нечто в воздухе, одно движение – и то, что годами лежало мертвым грузом, меняется внезапно и необратимо.

Любительская алхимия, называл это Джо. Будничное волшебство. Джей Макинтош потянулся за ножом – срезать печать.

3

Она продержалась годы. Нож срезал ее и обнажил невредимую пробку. Немедленно в ноздри шибануло так сильно, что Джею оставалось только терпеть, стиснув зубы, пока запах пытался поработить его. Пахло землей, кисловато, как от канала в середине лета, с остротой, напомнившей ему овощерезку и жизнерадостный вкус молодого картофеля. Мгновение иллюзия была так сильна, что он практически оказался там, в том утраченном месте, где Джо опирался на черенок лопаты, а радио, пристроенное в развилке дерева, играло «Запускайте клоунов»[13 - Песня американского композитора и либреттиста Стивена Сондхайма.] или «Я не влюблен»[14 - Песня из альбома «The Original Soundtrack» британской поп-рок-группы «10CC»]. Неожиданно Джея охватило неумемное волнение, и он плеснул вина в бокал, стараясь не пролить в чрезмерном пылу. Оно оказалось темно-розовым, как сок папайи, и словно карабкалось по стенкам бокала в лихорадочном предвкушении, как будто что-то внутри его жило и отчаянно хотело опробовать свое волшебство на плоти Джея. Он посмотрел на бокал со смесью недоверия и желания. Часть его хотела выпить вино – годами ждала этого момента, – но в то же время он медлил.

Жидкость в бокале была мутной и пестрела коричневатыми хлопьями, похожими на ржавчину. Он неожиданно представил, как пьет, задыхается, корчится в агонии на плитках пола. Бокал замер на полпути ко рту.

Он снова посмотрел на жидкость. Померещившееся ему движение прекратилось. От вина пахло чем-то сладковатым, аптечным, вроде микстуры от кашля. Он вновь спросил себя, зачем прихватил бутылку. Волшебства не бывает. Но Джо заставил его поверить в обратное; старый плут в очередной раз обманул его. Однако в бокале что-то есть, настаивал рассудок. Что-то особенное.

Джей так сосредоточился на бокале, что не услышал шагов Керри за спиной.

– Смотрю, ты не работаешь. – Ее выговор был чистым, с капелькой ирландского акцента – ровно столько, чтобы, не дай бог, не обвинили в аристократическом происхождении. – Знаешь что? Если уж собрался нажраться, вполне мог бы пойти со мной на вечеринку. Замечательная возможность встретиться с людьми.

Она сделала особое ударение на слове «замечательная», растянув третий слог втрое против его обычной длины. Джей взглянул на нее, не выпуская бокала из рук. Передразнил:

– Знаешь что? Я постоянно встречаюсь с замечательными людьми. Все писатели замечательны. Мне особенно нравится, когда кто-нибудь из твоих юных гениев подходит ко мне на какой-нибудь замечательной вечеринке и говорит: «Послушай, да ты никак этот парень, Джей, ну, который написал эту замечательную книгу?»

Керри пересекла комнату – плексигласовые каблуки размеренно простучали по плиткам – и плеснула в стакан «Столичной».

– А теперь ты ведешь себя инфантильно и асоциально. Если бы ты действительно старался время от времени писать что-то серьезное, вместо того чтобы тратить талант на ерунду...

– Замечательно.

Джей ухмыльнулся и отсалютовал ей бокалом. Оставшиеся в погребе бутылки возбужденно трещали, словно в предвкушении. Керри замерла, прислушалась.

- Ты ничего не слышал?

Джей покачал головой, продолжая ухмыляться. Она подошла ближе, посмотрела на его бокал и бутылку, все еще стоявшую на столе.

- Кстати, а что это такое? - Ее голос был прозрачен и резок, подобно ее каблукам-сосулькам. - Какой-то коктейль? Пахнет отвратительно.

- Это вино Джо. Одно из шести. - Он повернул бутылку, чтобы прочитать этикетку. - «Пьяблоко, 1975». Замечательный винтаж.[15 - Термин, обозначающий вино определенного года урожая, а также вообще высококачественное марочное вино.]

Бутылки вокруг нас радостно бурлили. Мы слышали, как они шепчут, поют, окликают друг друга, резвятся. Их смех был заразителен, бездумный призыв к оружию. «Шато шалон» вяло бормотал что-то неодобрительное, но в буйной карнавальной атмосфере в его голосе чудилась зависть. Я, оказывается, присоединился к ним - задрезжал в своем ящике, подобно банальной молочной бутылке, безумствуя от предвкушения, понимая, что происходит нечто.

- Фу! Боже! Не пей его. Оно наверняка испортилось. - Керри вымученно хохотнула. - Кроме того, это отвратительно. Вроде некрофилии. Представить не могу, зачем ты притащил его домой, учитывая обстоятельства.

- Я собирался выпить его, дорогая, а не трахнуть, - пробормотал Джей.

Что?

- Ничего.

- Пожалуйста, милый. Вылей его. Уверена, в нем полно самых разных противных микробов. Или и того хуже. Антифриз, например. Ты же знаешь старика, - вкрадчиво уговаривала она. - Лучше я налью тебе водки, хорошо?

– Керри, перестань говорить как моя мать.

– Когда перестанешь вести себя как ребенок. Почему ты никак не можешь вырасти, господи боже?

Это был неизменный рефрен.

Упрямо:

– Вино принадлежало Джо. Я и не ожидал, что ты поймешь.

Она рассерженно вздохнула и отвернулась.

– Ладно, порадуй себя. Как обычно. Надо же, столько лет прошло, а как старый жулик запал тебе в душу – можно подумать, он твой отец, а не старый грязный козел, любитель маленьких мальчиков. Валяй, трави себя, это так по-взрослому. Может, если помрешь, выпустят памятное издание «Пьяблочного Джо», а я продам рассказ о тебе в «Таймс литерари саплимент»...

Но Джей не слушал. Он поднес бокал ко рту. Запах снова ударил в ноздри, слабый сидровый аромат дома Джо с его горящим ладаном и помидорами, что зрели на кухонном окне. На мгновение Джей показалось, что он слышит, как со звоном разлетаются осколки стекла, словно люстра рухнула на накрытый стол. Он пригубил вино.

– Твое здоровье.

Вкус был не менее ужасен, чем в детстве. В бормотухе не было ни капли винограда, только мешанина сладковатых забродивших вкусов, амбре помойки. Она пахла, точно канал летом и заброшенные железнодорожные пути. Она была резкой, как дым и горящий мусор, и все же навевала воспоминания, хватая за горло и память, вытаскивая на свет образы, которые Джей числил навеки утерянными. Он сжал кулаки, атакованный картинами прошлого; внезапно закружилась голова.

– Все нормально? – Голос Керри резонировал, как во сне. Сердитый, но с тревожной ноткой. – Джей, я же говорила тебе, чтоб не пил эту дрянь. Все

нормально?

Он с трудом сглотнул.

– О да. Вообще-то неплохое вино. Живое. Резкое. С красивым телом. Немного на тебя похоже, Кес.

Он умолк, закашлявшись, но смеясь при этом. Керри недовольно смотрела на него.

– Не называй меня так. Это не мое имя.

– Как и Керри, – поддел он.

– Я пошла спать, мне надоели твои грубые шуточки. Наслаждайся своим винтажом. Только бы тебе было хорошо.

Ее слова были вызовом, который Джей проигнорировал, сидя спиной к двери, пока она не ушла. Он вел себя эгоистично и знал это. Но вино пробудило что-то необычное, и Джей хотел разглядеть его поближе. Он сделал еще глоток и обнаружил, что небо привыкает к странным нотам вина. Теперь он ощущал переспелые фрукты, запекшиеся кристаллами коричневого сахара, наслаждался вкусом сока из овощерезки и слышал, как Джо подпевает старому радио на задворках участка. Он в нетерпении осушил бокал, распробовав пикантное сердце вина и чувствуя, как его собственное сердце бьется с новой силой, стучит, словно после забега. Пять оставшихся под лестницей бутылок бормотали и тряслись от безудержного веселья. У Джея прояснилось в голове и успокоилось в желудке. Он попытался распознать свое ощущение и в итоге понял: радость.

4

Пог-Хилл, лето 1975 года

Пьяблочный Джо. Имя как имя. Он представлялся Джо Коксом, косо усмехаясь, будто намекая, что не стоит верить, но даже в те дни имя его могло быть любим, меняясь в зависимости от времени года и постоянной чехарды адресов.

– Может, мы с тобой кузены, – сказал он в первый день, когда зачарованный Джей настороженно смотрел на него с гребня стены. Овощерезка жужжала и лязгала, выбрасывая куски кисло-сладких фруктов или овощей в ведро у его ног. – Кокс и Макинтош. Мы оба яблоки, так?[16 - «Оранжевый пепин Кокса» и «Красный Макинтош» сорта яблок.] Я так думаю, мы, значит, почти что родичи.

Его акцент был непривычным, сбивал с толку, и Джей недоуменно таращился на старика. Джо, усмехаясь, покачал головой.

– Ты не знал, что тебя назвали в честь яблока? Вкусного, красного американского яблока. Очень сочного. У меня растет молодая яблонька, вон там. – Он дернул головой в сторону задворок. – Но пока ей малехо не по себе. Небось, нужно время, чтоб прижиться. Джей продолжал наблюдать за ним со всей настороженностью и цинизмом двенадцати лет, готовый заметить даже легкую фальшь.

– Можно подумать, у них есть чувства.

Джо поглядел на него.

– Разумеется, есть. Как и у всего, чего растет.

Мальчик завороченно следил за крутящимися лезвиями овощерезки. Воронка брыкалась и редела в руках Джо, плюясь ошметками белой, розовой, голубой и желтой плоти.

– Что ты делаешь?

– А по-твоему, чего? – Старик указал подбородком на картонную коробку под стеной, которая их разделяла. – Передай-ка мне вон те пьяблоки.

– Пьяблоки?

Небрежный нетерпеливый жест в сторону коробки:

- Да-да, вон те.

Джей глянул вниз. Прыгать было невысоко, от силы футов пять, но сад огорожен, только чахлые кусты да рельсы в глубине, а городское воспитание научило мальчика не доверять незнакомцам. Джо усмехнулся.

- Не укушу, не бойся, - мягко сказал он.

Разозлившись, Джей спрыгнул в сад.

Пьяблоки были длинными, красными и странно заостренными с одного конца. Одно или два лопнули, когда Джо их выкапывал, обнаженная мякоть на солнце казалась тропически розовой. Мальчик слегка шатался под тяжестью коробки.

- Смотри под ноги, - велел Джо. - Не урони. А то помнутя.

- Но это всего лишь картошка.

- Ага, - кивнул Джо, не отрывая глаз от своей овощерезки.

- А мне показалось, ты назвал их яблоками или как-то похоже.

- Пьяблоки. Корешки. Кругляшки. Пом-де-теры.[17 - Искаж. фр. pommes de terre (досл, «земляные яблоки») картофель.]

- На вид ничего такого особенного, - заметил Джей.

Джо покачал головой и принялся скармливать корнеплоды овощерезке. Они пахли сладковато, как папайя.

- Я привез их домой из Южной Америки после войны, - сказал он. - Вырастил из семян прямо тут, в саду. Пять лет угробил на то, чтоб земля им понравилась. Для жарки расти «Кинг Эдвард». Для салатов - «Шарлотту» или «Джерси». Хошь чипсов - выбирай «Марис пайпер». Но эта, - он подобрал картофелину,

почерневшим пальцем любовно потер розоватую кожуру, – старше Нью-Йорка, такая древняя, что у нее даже нету английского имени. Семена дороже золотой пыли. Это не просто картофелины, сынок. Это кусочки утраченного времени, когда люди еще верили в волшебство и половины мира не было на картах. Из такого чипсы не варганят. – Он снова покачал головой, в глазах под толстыми седыми бровями плескался смех. – Это мои «Особые».

Джей внимательно смотрел на него, не понимая, свихнулся старик или просто шутит.

– И что же ты из них делаешь? – наконец спросил он.

Джо кинул последнее пъяблоко в овощерезку и осклабился:

– Вино, сынок. Вино.

Дело было летом 1975-го. Джею почти исполнилось тринадцать. Сощуренные глаза, тонкие губы, лицо тугим кулаком сжалось вокруг такой тайны, что и разглядывать не станешь. Еще недавно он ходил в школу Мурлендс в Лидсе, но сейчас каникулы, и восемь непривычно пустых недель до начала занятий тянутся медленно-медленно. Он уже ненавидел это место с его унылым дымчатым горизонтом; иссиня-черными холмами, что кишат желтыми погрузчиками; трущобами и лачугами; людьми с острыми лицами и блеклыми северными голосами. Все будет хорошо, пообещала мать. Ему понравится Керби-Монктон. Перемена обстановки пойдет ему на пользу. Все уладится. Но Джею было виднее. Пропать родительского развода разверзлась под ним, и он ненавидел их, ненавидел место, куда они его отослали, ненавидел блестящий новенький пятискоростной велик «Роли», доставленный утром в подарок на день рождения, – взятка, не менее презренная, чем сопровождавшая ее записка «С любовью от мамы и папы», такая фальшиво-нормальная, будто мир не распадался потихоньку вокруг. Ярость его была холодна, безжизненна, она отделяла его от мира, так что звуки становились приглушенными, а люди – ходячими деревьями. Ярость была внутри, она кипела, отчаянно ждала, когда что-нибудь случится.

Они никогда не были крепкой семьей. До того лета он видел дедушку с бабушкой полдюжины раз, не больше, на Рождество или дни рождения, и они обращались с ним прохладно, но заботливо, как того требовал долг. Бабушка

была хрупкой и элегантной, подобно фарфору, который любила и которым оставила все свободные поверхности. Дед, грубовато-сердечный солдафон, без лицензии стрелял куропаток на близлежащих вересковых пустошах. Оба ругали профсоюзы, подъем рабочего движения, рок-музыку, мужчин с длинными волосами и то, что женщинам разрешили поступать в Оксфорд. Джей быстро понял, что если мыть руки перед едой и делать вид, будто слушаешь все, что тебе говорят, то можно наслаждаться неограниченной свободой. Так он и встретил Джо.

Керби-Монктон – маленький северный городок, такой же, как сотни других. Построенный вокруг угольных шахт, он уже тогда пришел в упадок; две шахты из четырех закрылись, а оставшиеся две сражались из последних сил. Там, где шахты закрывались, деревни, построенные, чтобы снабжать их рабочей силой, тоже умирали, оставляя запустение и ряды покосившихся лачуг, половина из которых была пуста, окна заколочены, сады завалены мусором и заросли сорняками. В центре было немногим лучше: несколько магазинов, пара пабов, продовольственная лавка, полицейский участок с решеткой на окне. С одной стороны река, железная дорога, старый канал. С другой – цепочка холмов до самого подножия Пеннинских гор. Таким был Верхний Керби, где жили дедушка и бабушка Джея.

Глядя на холмы, через поля и леса, почти удавалось представить, что никаких шахт и не было. Это парадный фасад Керби-Монктона, где вдоль улочек стоят дома, переделанные из бывших конюшен. С самой верхней точки можно разглядеть собственно город в нескольких милях; пятно желтоватого дыма на зубчатом горизонте, где пилоны маршируют по полям к аспидному шраму угольного карьера, неустанно завораживающему, укрытому отвалом. Дома здесь в основном крупнее и продуманнее. Просторные викторианские особняки из мягкого йоркширского камня, с окнами в свинцовых переплетах и псевдоготическими дверными проемами, и огромные уединенные сады с фруктовыми деревьями en espalier[18 - На шпалерах (фр.)] и гладкими ухоженными лужайками.

Джей был невосприимчив к их чарам. Его лондонским глазам Верхний Керби казался неустойчивым, балансирующим на каменистой кромке вересковой пустоши. От простора – расстояний между зданиями – кружилась голова. Покрытая шрамами путаница Нижнего Монктона и Дальнего Края в клубах дыма казалась вымершей, как во время войны. Он скучал по кино и театрам Лондона, по музыкальным магазинам, галереям, музеям. Он скучал по людям. Ему не

хватало привычной лондонской речи, шума машин, запахов. На велосипеде он проезжал много миль по незнакомым пустынным дорогам и ненавидел все, что попадалось на глаза.

Дедушка и бабушка ни во что не вмешивались. Они одобряли игры на свежем воздухе и не замечали, что каждый день он возвращается домой дрожащий, обессиленный от ярости. Мальчик всегда был вежлив, всегда опрятен. Он внимательно и с интересом слушал, что они говорили. Он культивировал мальчишескую живость. Он был ходячим супершкольником из комиксов и кисло наслаждался собственным обманом.

Джо обитал в переулке Пог-Хилл, в одном из домов, задворки которых неровной цепочкой выходили на железную дорогу в полумиле от станции. Джей был здесь уже два раза, оставлял велик в кустах и забирался на насыпь к железнодорожному мосту. На той стороне поля спускались к реке, а за рекой лежал карьер, и ветер доносил далекое гудение машин. Пару миль старый канал тянулся почти параллельно железной дороге, и стоячий воздух вдоль него был зелен от мух и горяч от запаха пепла и зелени. Между каналом и железной дорогой, укрытая ветвями деревьев, тянулась верховая тропа. Горожане почти не появлялись на Дальнем Крае. Потому он Джея и привлек. Джей купил пачку сигарет и комикс «Орел» в станционном киоске и покатил вдоль канала. Потом, надежно упрятав велик в подлеске, пошел вдоль русла канала, продираясь сквозь пышные заросли зрелого кипрея и запуская в воздух тучи белых семян. Дойдя до старого шлюза, он сел на камни и закурил, глядя на пути и время от времени считая проезжающие мимо угольные вагонетки или строя рожи пассажирским поездам, громяющим в далекие, завидные края. Он бросал камешки в илистую воду. Несколько раз он доходил до реки и строил запруды из дерна и того, что приносила вода: покрышек, веток, шпал, а как-то раз даже целого матраса с пружинами, торчащими из чехла. На самом деле так все и началось; место как-то само наложило на него лапу. Возможно, потому, что было тайным, старым, запретным. Джей начал исследовать его. Из земли торчали какие-то странные цилиндры из железа и бетона, которые Джо позже назвал шахтными копрами, – их странные вздохи резонировали, если подойти ближе.

Затопленный шахтный ствол, забытая угольная вагонетка, остатки баржи. Это было уродливое, даже, возможно, опасное место, но и глубоко печальное тоже, и оно тянуло Джея с неодолимой силой, природу которой он не понимал. Его родители пришли бы в ужас, узнав, что он ходит сюда, и это тоже добавляло привлекательности. Итак, он исследовал: вот зольная яма, полная старинных

черепков; вот россыпь экзотичных, никчемных сокровищ – стопки комиксов и журналов, еще не тронутых дождем; металлолом; остов автомобиля, старого «форда гэлакси», крошечное деревце бузины растет прямо из крыши, подобно современной антенне; неисправный телевизор. Жить рядом с железной дорогой, как-то сказал ему Джо, все равно что жить на берегу: прилив каждый день выносит что-нибудь новенькое. Поначалу Джей ненавидел Дальний Край. Он понятия не имел, зачем вообще туда ходит. Он мог выйти из дома, намереваясь отправиться совсем в другую сторону, но все же в итоге оказывался на Дальнем Крае, между железной дорогой и каналом, далекий гул машин звенел в ушах, и белесое летнее небо с силой давило на голову, точно колпак для защиты всходов от заморозков. Одинокое, ничейное место. Но тем не менее оно принадлежало ему. Все то долгое, странное лето – ему. По крайней мере, так он считал.

5

Лондон, весна 1999 года

Назавтра он проснулся поздно и обнаружил, что Керри уже ушла, оставив короткую записку, сквозь которую водяным знаком просвечивало неодобрение. Он прочитал ее медленно, без интереса, и попытался вспомнить, что произошло накануне.

Джей, не забудь, вечером в «Спайс» прием – ты обязательно должен там быть! Надень «Армани». К.

Голова болела; он заварил крепкий кофе и прихлебывал его, слушая радио. Он почти ничего не помнил – вся его жизнь давно превратилась в расплывшееся пятно дней, которые ничем не отличались друг от друга, как серии мыльной оперы, которую смотришь по привычке, хотя никто из персонажей тебе не интересен. День лежал перед ним заброшенной тропой через пустыню. На вечер была запланирована консультация со студентами, но он уже подумывал, не пропустить ли ее. Ничего страшного; он уже пропускал консультации. От него

почти ждут такого. Артистический темперамент. Его рот на мгновение искривился в иронической усмешке.

Бутылка вина Джо стояла там, где он ее оставил, на столе. Джей удивился, увидев, что она еще наполовину полна. Получается, он выпил совсем мало, так откуда это жестокое похмелье и видения, что загнали его в постель, как только рассвет закровоточил в небе? От пустого бокала слабо, но отчетливо тянуло сладковатым аптечным запахом, прогоняющим боль. Джей налил вина до краев.

- Опохмел, - пробормотал он.

Утром вино казалось всего лишь неясно гадким, почти безвкусным. Воспоминания кружились в подсознании, слишком глубоко - не распознать.

Загрохотала дверь, и он повернулся, чувствуя смутную вину, будто его застучали. Но оказалось, что всего-навсего принесли почту: конверты торчали из щели для писем и рассыпались по коврику. Квадратное пятно солнечного света падало через стеклянную дверь на верхний конверт, словно предлагая обратить на него особое внимание. Наверняка рекламная чепуха, сказал он себе. В последнее время он редко получал что-либо другое. И все же благодаря шалости света конверт точно светился, придавая единственному, написанному через трафарет слову новое, сверкающее значение: «ИЗБАВЛЕНИЕ». Слово в лондонском рассвете готова была распахнуться дверь в иной мир, где все еще может быть. Он наклонился, подобрал яркий прямоугольник, открыл.

Первой его мыслью было: и правда реклама. Дешевая брошюра, озаглавленная «УБЕЖИЩА НА ВЫХОДНЫЕ, ЧУДЕСНЫЕ ИЗБАВЛЕНИЯ», размытые фотографии фермерских домов и g?tes[19 - Пристанище для туристов (фр.)] с кусками текста в промежутках. «Очаровательный коттедж всего в пяти милях от Авиньона... Большой перестроенный фермерский дом с угожьями... Сенной сарай шестнадцатого века в самом сердце Дордони...» Все картинки были одинаковы: деревенские дома под мультяшными небесами, женщины в платках и белых coiffes[20 - Чепец (фр.)], мужчины в беретах, пасущие коз на нереально зеленых горных склонах. Странно разочарованный, он бросил брошюру на стол, словно его обманули, словно что-то доселе незнакомое прошло мимо. А потом заметил снимок. Брошюра раскрылась посередине, на двухстраничном развороте красовался удивительно знакомый дом. Большой, квадратный, с потускневшими розоватыми стенами и красной черепичной крышей. Внизу теснились слова: «Шато Фудуин, Ло и Гаронна». Сверху, будто неоновым маркером, было

приписано красным: «ПРОДАЕТСЯ».

От неожиданности у него екнуло сердце. Это знак, сказал он себе. Именно сейчас, в этот миг – наверняка. Наверняка знак.

Он долго смотрел на фотографию. Внимательно изучив ее, он решил, что дом все же немного отличается от шато Джо. Вроде бы чуть-чуть другие линии, крыша более покатая, окна уже и глубже посажены в стены. К тому же он не в Бордо, а в соседнем департаменте, в нескольких милях от Ажена, на Танне, крохотном притоке Гаронны. И все же близко. Очень близко. Это не простое совпадение.

Под лестницей чужаки впали в зловещее, выжидающее молчание. Ни шепота, ни бормотания, ни свиста не вырывалось из них.

Джей пристально посмотрел на картинку. Над ней непрерывно и заманчиво мерцал неоновый знак.

ПРОДАЕТСЯ.

Джей потянулся к бутылке и налил еще бокал.

6

Пог-Хилл, июль 1975 года

В то лето большая часть жизни Джея протекала подпольно, словно тайная война. Дождливыми днями он сидел в своей комнате и читал «Денди» или «Орел» и слушал радио, прикрутив громкость до минимума и притворяясь, что делает домашнюю работу, или писал яростные напористые рассказы с названиями вроде «Плотоядные воины Запретного города» или «Тот, кто преследовал молнию».

Денег ему хватало. По воскресеньям он получал двадцать пенсов за мытье дедушкиного зеленого «остина» и еще столько же за стрижку лужайки. Редкие, краткие письма родителей неизменно сопровождались денежными переводами,

и он тратил непривычное богатство с веселым, злорадным вызовом. Комиксы, жевательная резинка, если удавалось достать – сигареты; ему нравилось все, что могло навлечь неудовольствие родителей. Он прятал свои сокровища у канала, в жестянке из-под печенья, а дедушке и бабушке говорил, что хранит деньги в банке. Формально – чистая правда. Он осторожно извлек расшатанный камень из руин старого шлюза – получилась дыра, пятнадцать квадратных дюймов, куда банка как раз влезла. Квадратик дерна, вырезанный на берегу перочинным ножом, прикрывал вход. Первые две недели каникул он ходил туда почти ежедневно, грелся на плоских камнях плотины, курил, читал, сочинял рассказы в очередном густо исписанном блокноте или на всю катушку врубал радио в ярком прокопченном воздухе. Его воспоминания о том лете были окрашены музыкой: Пит Уингфилд и его «18 с пулей» или «P-A-3-B-O-D» Тэмми Уайнетт. Джей в основном подпевал или играл на воображаемой гитаре и корчил рожи невидимым зрителям. Позже он понял, насколько безрассуден был. Со свалки все слышно, и в эти две недели Зет со своей бандой мог наткнуться на Джея в любой момент. Они могли найти его, когда он дремал на берегу, или застукать в зольной яме или, хуже того, с неосторожно распахнутой коробкой для сокровищ. Джей никогда не задумывался, что на его территории могут быть другие мальчишки. Ему и в голову не приходило, что эта территория может уже кому-то принадлежать, тому, кто постарше и покруче и к тому же опытнее его. Он никогда в жизни не дрался. Школа Мурлендс не одобряла подобные симптомы плохого воспитания. Немногочисленные лондонские друзья Джея были сдержанными и замкнутыми, балетные девочки с пони, мальчишки-кадеты с превосходными зубами. Джей всегда выпадал из картины. Его мать была актрисой, чья карьера зашла в тупик – комедийный телесериал «Ой! Мамочка!» о вдове с тремя детьми-подростками. Мать Джея играла назойливую домовладелицу миссис Дайкс, и отрочество Джея было по большей части отравлено людьми, которые останавливали их на улице и вопили ее коронную экранную фразу: «Ой, я вам не помешала?»

Отец Джея, хлебный барон, сделавший состояние на «Тримбле», популярном диетическом хлебце, заработал все же недостаточно, чтобы компенсировать свое низкое происхождение, и прятал неуверенность в себе за завесой сигарного дыма и фальшивой бодрости. Его ист-эндского произношения и блестящих костюмов Джей также стыдился. Он всегда полагал, что принадлежит к иному виду, мужественнее, грубее. Но жестоко ошибался.

Их было трое. Выше Джея и старше – четырнадцать лет, может, пятнадцать, – они важно фланировали вдоль канала, шли самоуверенно, враскачку, как бы помечая территорию. Джей инстинктивно вырубил радио и скорчился в тени,

возмущаясь хозяйским видом, с каким они расположились на плотине; один нагнулся и тыкал палкой в воду – нашел что-то; другой чиркал спичкой по джинсам, чтобы прикурить сигарету. Джей настороженно наблюдал за ними из древесной тени; в затылке покалывало. Они выглядели опасными – каста, в этих джинсах, ботинках на молнии и футболках без рукавов, члены клана, к которому Джей никогда не сможет принадлежать. Один из них – тощий, долговязый парень – нес винтовку, воздушку, и небрежно придерживал ее локтем. Его лицо было широким и алело прыщами вдоль подбородка. Глаза напоминали шарикоподшипники. Другой сидел вполоборота, и Джей видел валики жира, выпирающие из-под его футболки, и широкую полосу трусов, торчащих из-под низко посаженных джинсов. На трусах красовались самолетики, и почему-то это рассмешило Джея; сперва он тихо хихикал в кулак, но после не выдержал и пронзительно заржал.

Самолетики немедленно повернулся к нему, его лицо обмякло от удивления. Мгновение два парня смотрели друг на друга. Потом он ухватил Джея за рубашку.

– Чё это тут делает, а?

Двое других наблюдали с враждебным любопытством. Третий парень, паукообразный юнец с нелепыми бачками, шагнул вперед и с силой ткнул Джея в грудь костяшками.

– Ты чё, не слышал, чё я грю?

Их речь казалась чуждой, почти непонятной, смехотворным лепетом, набором гласных, и Джей обнаружил, что снова улыбается, почти смеется, и ничего не может с собой поделать.

– Ты чё, глухой, что ли, дебил? – настаивал Бачки.

– Простите, – произнес Джей, пытаясь высвободиться. – Вы так внезапно появились. Я вовсе не хотел вас напугать.

Все трое уставились на него еще пристальнее. Их глаза были того же никакого цвета, что и небо, – странно, переменчиво серые. Высокий парень демонстративно погладил приклад воздушки. Высокому было вроде как

любопытно, почти весело. Джей заметил, что на кисти у него вытатуированы буквы, по букве на костяшку, образуя его имя или прозвище: ЗЕТ. Тут не профессионал работал, понял Джей. Парень сам наколол – циркуль и бутылочка чернил. Джею внезапно и пугающе четко представилось, как тот делал наколку, с упрямой, но довольной гримасой, одним прекрасным солнечным днем на последней парте во время урока английского или математики, пока учительница делала вид, будто ничего не замечает, хотя Зет не утруждал себя игрой в прятки. Так проще, думала учительница. Безопаснее.

– Напугать нас?

Блестящие глазки-шарикоподшипники закатились в притворном веселье. Бачки хихикнул.

– Закурить не найдется, пацан?

Говорил Зет небрежно, но Джей чувствовал, что Самолетики еще не отпустил его рубашку.

– Сигарету? – Он неловко пошарил в кармане, мечтая смыться, и вытащил пачку «Плейерс». – Конечно. Бери.

Зет взял две и передал пачку Бачкам, потом Самолетикам.

– Да ладно, оставьте себе.

В голове у Джея зазвенело.

– Спички?

Он достал коробок из джинсов.

– Тоже забирайте.

Закуривая, Самолетики подмигнул, как-то сально, оценивающе. Двое других подобрались поближе.

– А конфеток у тебя нет? И ваще? – вежливо поинтересовался Зет.

Самолетики ловко зашарил по карманам Джея.

Сопrotивляться было слишком поздно. Минутой раньше он мог бы воспользоваться преимуществом неожиданности – нырнуть между ними, например, рвануть к плотине и сбежать по путям. Но теперь было слишком поздно. Они почуяли страх. Жадные, ловкие пальцы энергично шарили по карманам Джея. Жевательная резинка, пара леденцов в обертках, монеты – все содержимое его карманов выкатилось в их подставленные руки.

– Оставьте! Это мое!

Но голос его дрожал. Он пытался убедить себя, что ерунда, пусть забирают, все равно ничего ценного им не досталось, – но безрадостная, омерзительная беспомощность, стыд не пропадали.

А потом Зет схватил радио.

– Ничё так, – прокомментировал он.

Джей совсем забыл о нем; в длинной траве в тени деревьев радио почти не было видно. Игра света, быть может, причудливое отражение в хrome, или же просто не повезло, но Зет заметил его, нагнулся и подобрал.

– Это мое, – сказал Джей почти неслышно, словно в рот набились иголки.

Зет глянул на него и ухмыльнулся.

– Мое, – прошептал Джей.

– Конечно, твое, приятель, – дружелюбно произнес Зет и подал ему приемник.

Их взгляды скрестились над радио. Джей протянул руку, почти умоляюще. Зет отдернул радио, совсем чуть-чуть, потом невероятно быстро и аккуратно ударил с лёта и запустил над головами широкой блестящей дугой. Мгновение оно мерцало в воздухе миниатюрным космическим кораблем, а потом рухнуло на

каменный край плотины и разлетелось на сотни осколков пластика и хрома.

– И это го-о-о-ол! – заорал Бачки и заплясал, заскакал среди обломков.

Самолетики возбужденно захихикал. Но Зет лишь смотрел на Джея с тем же любопытством – рука лежит поверх приклада, глаза невозмутимые и странно сочувственные, словно говорят: что теперь, пацан? Что теперь? Что теперь?

Джей чувствовал, как глаза горят все сильнее, будто слезы сделаны из расплавленного свинца, и изо всех сил старался не пустить их на щеки. Он смотрел на осколки радио, мерцающие на камнях, и уговаривал себя, что это не важно. Всего-то старое радио, ничего ценного, не стоит за это рисковать шкурой, но ярость внутри не слушала. Он шагнул к шлюзу, потом обернулся бездумно и изо всех сил съездил по терпеливому, веселому лицу Зета. В тот же миг Самолетики и Бачки бросились на Джея, они колошматили его руками и ногами, но прежде он успел хорошенько врезать Зету под ложечку, и этот удар вышел куда лучше, чем неловкий первый. Зет хрипло взвизгнул и скорчился на земле. Самолетики попытался снова сгрести Джея, но тот стал скользким от пота и умудрился нырнуть под Самолетикову руку. Оскользываясь на обломках радио, Джей рванул вперед, увернулся от Бачков, скользнул по насыпи и помчался через тропинку к железнодорожному мосту. Кто-то кричал ему вслед, но из-за расстояния и густого местного говора слова были неразличимы, хотя угроза вполне ясна. Забравшись на насыпь, Джей показал трем далеким фигурам средний палец, вытащил велик, спрятанный в подлеске, и в следующий миг уже резво катил обратно в Монктон. Из носа текла кровь, руки были исцарапаны после нырка в кусты, но мысленно Джей пел победную песнь. Даже ужас от потери радио был временно забыт. Возможно, это дикое, почти волшебное чувство и привело его к Джо в тот день. Позже он говорил себе, что это обычная случайность, что у него на уме ничего такого не было, хотелось только ехать куда глаза глядят, но еще позже подумал, что его вполне могло затащить туда некое безумное предопределение, своего рода зов. Его он тоже почувствовал, безмолвный глас необычайной чистоты и гармонии, и через миг увидел табличку «ПЕРЕУЛОК ПОГ-ХИЛЛ», слегка подсвеченную заревом краснеющего солнца, будто неким образом помеченную, дабы он обратил внимание, и вместо того, чтобы проехать мимо уличного устья, как он делал уже не раз, он остановился и медленно повел велосипед назад, чтобы заглянуть через кирпичную стену, за которой старик резал пъяблоки для вина.

Лондон, март 1999 года

Агент, должно быть, почуял его одержимость. На дом поступила заявка, сообщил он. Немного ниже запрашиваемой цены. Договор уже составляют. Но если Джей заинтересован, есть и другие дома. Правду он сказал или солгал, но Джей потерял голову. Только этот дом, настаивал он. Этот дом. Прямо сейчас. Он заплатит наличными, если угодно.

Лаконичный телефонный звонок. Еще один. Беглый французский говорок в трубку. Пока они ждали, кто-то принес кофе и итальянские булочки из кафе через дорогу. Джей пообещал заплатить чуть больше, чем назначено. Он услышал, как голос в трубке повысился на пол-октавы. И выпил caffelatte[21 - Кофе с молоком (ит.).] за их здоровье. Оказалось, купить дом очень просто. Несколько часов подождать, составить пару бумаг, и дом – его. Он перечитал короткий абзац под фотографией, пытаюсь перевести слова в камень и известковый раствор. Шато Фудуин. Нереальное, открытка из прошлого. Он попытался представить, как стоит у двери, гладит розовый камень, смотрит через виноградник на озеро. Мечта Джо, смутно сказал он себе, их мечта наконец-то исполнилась. Несомненно, это судьба. Несомненно.

И вот ему снова четырнадцать, он пожирает глазами картинку, гладит ее, то складывает, то снова разворачивает тонкую бумагу. Он хочет показать ее другим. Хочет оказаться там прямо сейчас, пусть бумаги готовы только наполовину. Его банк, его бухгалтер, его поверенные разберутся с формальностями. Подписи не поспевают. Самое главное уже в пути.

Несколько телефонных звонков – и все устроилось. Самолетом в Париж. Поездом до Марселя. Уже завтра он будет там.

Пог-Хилл, июль 1975 года

Дом Джо был темным и кривым, мало чем отличался от других домов, что выстроились вдоль железнодорожных путей. Фасад выходил прямо на улицу, дверь от мостовой отделяли только низкая стена да ящик для растений. Тылы – тесные дворики, увешанные бельем, трущобный поселок самодельных кроличьих клеток, курятников и голубятен. Эта сторона выходила на железную дорогу, здесь крутой берег был рассечен надвое, и по выемке шли поезда. Они шли через мост, из сада Джо был виден красный свет семафора, похожий на далекий маяк. Дальний Край тоже был виден и тусклые серые склоны шлаковых гор за полями. Дома, раскиданные как попало вдоль крутой узкой улочки, возвышались над всей территорией Джея. Кто-то пел в соседском саду, судя по голосу – старая леди, голос трогательно подрагивал. Кто-то стучал молотком по дереву, примитивно и успокаивающе.

– Пить хошь? – Джо небрежно кивнул на дом. – Небось не откажешься.

Джей глянул на дом, внезапно вспомнив о своих порванных джинсах и засохшей крови на носу и верхней губе. Во рту пересохло.

– Хочу.

В доме было прохладно. Джей проследовал за стариком в кухню, большую полупустую комнату с голыми деревянными половицами и большим сосновым столом, испещренным шрамами, оставленными множеством ножей. Занавесок не было, зато весь подоконник был уставлен стройными зелеными ростками, буйной защитой от солнечного света. Приятный, землистый запах растений наполнял кухню.

– Это мои помидорки, – сообщил Джо, открывая кладовку, и Джей и вправду заметил в пышной листве помидоры – маленькие желтые, большие красные, неправильной формы, и полосатые рыже-зеленые, как лягушачьи шарики.

В горшках на полу жили другие растения, тянулись вдоль стен, обвивали дверной косяк. В стороне – деревянные ящики с овощами и фруктами, аккуратно уложенными, чтоб не попортить.

– Очень милые, – сказал он из вежливости.

Джо иронически посмотрел на него.

– Чтоб они росли, надо с ними говорить. И щекотать, – добавил он, указывая на длинную палку, прислоненную к голой стене. На конце палки болтался кроличий хвостик. – Это моя палка-щекоталка, ясно? Помидорки ужасно боятся щекотки.

Джей тупо смотрел на него.

– Похоже, попал ты в переплет, – сказал Джо, открывая дверь в дальнем углу, за которой оказалась большая кладовка. – Подрался небось.

Джей сдержанно рассказал. Когда он дошел до того, как Зет разбил радио, голос дал петуха, зазвучал по-детски, зазвенел слезами. Джей умолк и густо покраснел.

Джо как будто ничего не заметил. Он залез в кладовку и достал бутылку темно-красной жидкости и пару стаканов.

– Выпей-ка, – посоветовал он, наполняя стакан.

Пахло фруктами, но незнакомо, дрожжами, как пиво, но обманчиво сладко. Джей подозрительно уставился на жидкость.

– Это вино? – с сомнением спросил он.

Джо кивнул.

– Ежевичное, – сказал он, выпив свою порцию с явным удовольствием.

– Мне, наверное, не стоит... – начал Джей, но Джо нетерпеливо сунул ему стакан.

– Попробуй, сынок, – велел он. – Раскрась жизнь новыми красками.

Джей попробовал.

Джо стучал его по спине, пока Джей не перестал кашлять, но прежде осторожно вынул стакан из пальцев, чтобы мальчик не пролил драгоценную жидкость.

- Ну и гадость! - выдавил Джей в промежутках между приступами кашля.

На вкус это походило на что угодно, только не на вино. Он пил вино прежде - родители частенько наливали ему вина за едой, и он успел полюбить кое-какие приторные белые немецкие вина, - но ничего подобного никогда не пробовал. Оно походило на землю, и болотную воду, и прокисшие от старости фрукты. Танин налетом осел на языке. Горло жгло. Глаза слезились.

Джо, кажется, сильно обиделся. Потом рассмеялся.

- Крепковато для тебя, а?

Джей кивнул, продолжая кашлять.

- Мог бы и догадаться, - весело сказал Джо, отворачиваясь к кладовке. - Пожалуй, к нему сперва попривыкнуть надо бы. Но в нем есть искусство, - нежно добавил он, осторожно возвращая бутылку на полку. - А это главное.

Он обернулся, на этот раз с бутылкой «Желтого лимонада Бена Шоу» в руке.

- Пожалуй, лучше пока выпей это, - сказал он, наливая полный стакан. - А до остального скоро дорастешь.

Он вернул бутылку на полку, помедлил, посмотрел на Джея.

- Может, у меня кое-что есть и для другой твоей беды, если хошь, конечно, - сказал он. - Пойдем.

Джей понятия не имел, что старик собирается ему дать. Может, уроки кун-фу, или базуку, оставшуюся с какой-нибудь войны, или гранаты, или зулусское копье, приобретенное в странствиях, или особый непобедимый удар с лёта, показанный тибетским гуру (работает безотказно). Вместо этого Джо повел его в крыло дома, где из камня торчал гвоздь, а на гвозде висел красный фланелевый мешочек. Старик снял мешочек, мельком понюхал содержимое и протянул Джею.

- Бери, - сказал Джо. - Еще немного протянет. Попозже сварганю нам свежий.

Джей уставился на него.

- Что это? - наконец спросил он.

- Носи с собой, и все дела, - сказал Джо. - В кармане, если хошь, или на шнурке. Вот увидишь. Поможет.

- Что в нем?

Джей смотрел на Джо во все глаза, будто старик свихнулся. Подозрения, на время забытые, вспыхнули вновь.

- Да так, то да се. Сандаловое дерево. Лаванда. Верховного Джона Завоевателя[22 - Корень растения *Ipomoea jalapa*, обладающий, согласно афроамериканскому фольклору, магическими свойствами.] чуток. Этому трюку я у одной леди с Гаити выучился, много лет назад. Каждый раз помогает.

Ну точно, решил Джей. Старик определенно рехнулся. Безобидный - хотелось бы верить, - но сумасшедший. Джей беспокойно обернулся на закуток сада и задумался, успеет ли добежать до стены, если старик начнет буянить. Джо лишь улыбнулся.

- Попробуй, - настойчиво сказал он. - Носи в кармане. Скоро вообще про него забудешь.

Джей решил ему подыграть.

- Ладно. И что он умеет делать?

Джо снова улыбнулся.

- Может, и ничего.

- Но как я пойму, сработал он или нет? - уперся Джей.

– Поймешь, – беззаботно заверил его Джо. – Когда снова пойдешь на Дальний Край.

– Я больше не могу туда ходить, – отрезал Джо. – Эти парни...

– Значит, оставишь им свой сундучок с сокровищами?

Он был прав. Джей почти позабыл про коробку с сокровищами, до сих пор спрятанную в тайном месте за расшатанным камнем. Внезапная тревога почти вытеснила из сознания тот факт, что он совершенно точно не обмолвился Джо о коробке.

– Я мальчонкой часто туда ходил, – любезно пояснил старик. – В углу шлюза был расшатанный камень. Он все еще там, а?

Джей уставился на него.

– Как вы узнали? – прошептал он.

– Чего узнал? – чересчур простодушно переспросил Джо. – О чем ты? Я обычный шахтер. Я ничего не знаю.

Джей не вернулся к каналу в тот день. Он был слишком озадачен, в голове теснились драки, сломанные радиоприемники, гаитянское колдовство и ясные, смеющиеся глаза Джо. Джей сел на велик и медленно проехал по железнодорожному мосту раза три или четыре; сердце колотилось, он пытался набраться смелости и взобраться по склону. В конце концов он отправился домой, подавленный и разочарованный, ликование испарилось. Он представлял, как Зет с дружками перебирают его сокровища, раздражаются вульгарным смехом, разбрасывают комиксы и книги, набивают рты конфетами и шоколадками, распихивают деньги по карманам. Но хуже всего, что там остались его блокноты, его рассказы и стихи. Наконец он приехал домой – челюсти сводило от злобы, – посмотрел «Субботний вечер в кинотеатре»[23 - Канадский телесериал, представляющий классические фильмы в сопровождении интервью с участниками съемок.] и лег в постель, забывшись поздним, беспокойным сном, в котором все время убегал от невидимого врага и смех Джо звенел у него в ушах.

Назавтра он решил остаться дома. Красный фланелевый мешочек молчаливым вызовом лежал на тумбочке. Джей игнорировал его и пытался читать, но лучшие комиксы остались в коробке с сокровищами. Отсутствие радио наполняло воздух враждебной тишиной. На улице сияло солнце, а ветра было ровно столько, чтобы воздух не обжигал. День обещал стать прекраснейшим днем лета.

В каком-то оцепенении он доехал до моста. Он не собирался ехать сюда, и даже когда катил к городу, глубоко внутри знал, что должен развернуться, поехать другой дорогой, оставить канал Зету и его банде – теперь это их территория. Возможно, он зайдет к Джо – тот не предлагал заходить, но и держаться подальше не велел, словно присутствие Джея было ему безразлично, – а может, заскочит в газетный киоск и купит курева. В любом случае он определенно не собирался возвращаться к каналу. Он повторял это, пряча велик в знакомых зарослях кипрея, повторял, взбираясь по склону. Только дураки наступают дважды на одни грабли. Красный фланелевый мешочек Джо лежал в кармане джинсов. Джей чувствовал его – мягкий мячик не больше скомканного носового платка. Он гадал, как мешочек с травой ему поможет. Джей открыл его накануне вечером, высыпал содержимое на тумбочку. Несколько веточек, какая-то коричневатая пыль и кусочки чего-то ароматного, серо-зеленого – вот и все. А ведь он почти ожидал увидеть сушеные головы. Это всего лишь шутка, отчаянно твердил себе Джей. Старик пошутил. Но упрямая его часть, которая отчаянно хотела верить, так просто не сдавалась. А вдруг в мешочке все же есть волшебство? Джей представил, как держит амулет в вытянутой руке, звенящим голосом плетет волшебное заклинание, Зет и его приятели съеживаются... Мешочек уютно давил на бедро, словно рука успокаивала. Сердце екнуло; Джей начал спускаться к каналу. Как знать, может, он никого и не встретит.

Снова ошибся. Он крался по тропе, держась в тени деревьев, кроссовки тихо ступали по выжженной желтой земле. Его трясло от адреналина, он готов был сорваться с места от малейшего шороха. Птица шумно выпорхнула из своего камышового ложа, когда он шел мимо, и он замер, уверенный, что всполошились все на мили вокруг. Ничего. Джей уже почти добрался до шлюза, он видел то место на склоне, где была спрятана коробка с сокровищами. Осколки пластика валялись на камнях. Он опустил на колени, сдвинул дерн с камня и потащил.

Он думал о них так долго, что мгновение сомневался, взаправду ли слышит их голоса. Но теперь он видел за кустами их смутные тени, они приближались с той стороны канала, где была зольная яма. Бежать слишком поздно. Полминуты, не больше, и они обнаружат его укрытие. Тропинка слишком широка здесь,

слишком далеко от моста. Миг-другой – и он будет у них как на блюдечке.

Джей понял, что есть лишь одно место, где можно спрятаться. Сам канал. Он почти высох, не считая лужиц, зарос камышом, забился мусором и столетним илом. Небольшая плотина возвышалась над ним фута на четыре, вполне можно спрятаться, хотя бы на время.

Конечно, едва они выйдут на плотину, или вернуться на тропу, или нагнутся, чтобы рассмотреть что-нибудь на поверхности грязной воды...

Но времени думать об этом не было. Не поднимаясь с колен, Джей скользнул в канал, одновременно впихнув на место коробку с сокровищами. Мгновение ноги утопали в грязи без сопротивления, потом он коснулся дна, по щиколотки увязнув в иле. Ил затек в кроссовки и просочился между пальцев. Не обращая внимания, Джей припал к земле, стараясь стать как можно меньше; трава щекотала лицо. Инстинктивно он искал взглядом оружие: камни, жестянки, все, что можно кинуть. Если его заметят, внезапность будет единственным его преимуществом.

Он забыл об амулете Джо в кармане. Тот умудрился вывалиться, когда Джей скорчился, и мальчик автоматически подобрал его, внезапно устыдившись. Как мог он поверить, что мешочек с листьями и веточками сумеет его защитить? Почему ему так хотелось в это верить?

Они были совсем уже близко, футах в десяти. Он слышал, как грохочут их башмаки. Кто-то со всей дури кинул бутылку или банку на камни; она взорвалась, и Джей вздрогнул, когда осколки стекла градом посыпались на его голову и плечи. Решение спрятаться у них под ногами теперь казалось нелепым, самоубийственным. Им достаточно глянуть вниз – и он окажется в полной их власти. Он мог сбежать, горько говорил он себе, сбежать, пока еще была возможность. Шаги приближались. Девять футов. Восемь. Семь. Джей вжался щекой во влажные камни стены, стараясь стать стеной. Амулет Джо отсырел от пота. Шесть футов. Пять футов. Четыре.

Голоса – Бачков и Самолетиков – звучали убийственно близко.

– Как по-твоему, он вернется?

– Да хрен там, пацан. Он, блин, тогда покойник.

«Обо мне, – как во сне подумал Джей. – Они говорят обо мне».

Три фута. Два фута.

Голос Зета, почти равнодушный, холодный, угрожающий:

– Ничё, подожду.

Два фута. Фут. Тень упала на него, пригвоздив к земле. Волосы на затылке зашевелились. Парни смотрели вниз, разглядывали канал, и он не осмеливался поднять голову, хотя необходимость знать была как нестерпимый зуд, как крапивница рассудка. Он чувствовал их взгляды затылком, слышал хриплое прокуренное дыхание Зета. Еще мгновение – и он не выдержит. Он должен поднять голову, должен посмотреть...

Камень плюхнулся в лужицу грязи футах в двух от него. Джей видел это уголком глаза. Еще камень. Плюх!

Наверное, они его дразнят, отчаянно подумал он. Они заметили его и теперь тянут время, давясь гадким смехом, молча подбирая камни и комья грязи, чтобы кинуть в него. А может, Зет вскинул воздушку, глядит задумчиво...

Но ничего такого не произошло. В тот самый миг, когда Джей собрался поднять голову, он услышал, как шаги удаляются прочь. Еще один камень плюхнулся в грязь и заскользил к нему; Джей вздрогнул. Потом услышал лениво затухающие голоса: парни шагали к зольной яме, кто-то что-то говорил, мол, поискать бутылки да пострелять по мишеням.

Он ждал, оставаясь неподвижным. Это уловка, сказал он себе, трюк, чтобы заставить его вылезти из укрытия, они не могли не заметить его. Но голоса уходили все дальше, за плотину, слабели, пока их владельцы шли по заросшей тропе к зольной яме. Далекий треск винтовки. Смех из-за деревьев. Не может быть. Они должны были его заметить. Но почему-то...

Джей осторожно вытащил коробку с сокровищами. Амулет почернел от его пота. Он работает, изумленно сказал себе Джей. Невероятно, но он работает.

9

Лондон, март 1999 года

– Даже самый скучный и неинтересный герой, – сказал он своим студентам-вечерникам, – станет больше похож на человека, если подарить ему любимое существо. Ребенка, возлюбленного или хотя бы собаку.

«Если, конечно, вы не пишете фантастику, – подумал он и внезапно осклабился, – в этом случае вполне достаточно выкрасить ему глаза в желтый цвет».

Он примостился на столе рядом с разбухшей сумкой, борясь с настоящим желанием потрогать ее, открыть. Студенты благоговейно глазели на него. Кто-то делал заметки. «Или, – усердно записывали они, напряженно стараясь не пропустить ни единого слова, – или... хотя бы... собаку».

Он учил их по настоянию Керри, смутно недолюбливая за тщеславие и слепое повиновение правилам. Пятнадцать человек, почти все в неизменном черном; серьезные молодые люди и пылкие юные девушки, с короткими стрижками и кольцами в проколотых бровях, но с аристократическим произношением. Одна девушка – настолько похожая на Керри пять лет назад, что они могли бы быть сестрами, – читала вслух свой рассказ, упражнение, словесный портрет чернокожей матери-одиночки, живущей в квартире в Шеффилде. Джей теребил брошюру «Избавлений» в кармане и пытался слушать, но голос девицы был не более чем бубнежом, довольно неприятным, назойливым осиным жужжанием. Время от времени Джей кивал, делая вид, что ему интересно. Он до сих пор был слегка под хмельком.

Со вчерашней ночи мир будто слегка сдвинулся, навелся на резкость. Будто нечто, на что Джей годами смотрел, не видя, внезапно совершенно прояснилось.

Девушка бубнила. Читая, она хмурилась и маниакально пинала ножку стола. Джей подавил зевок. Она так усердна, сказал он себе. Усердна и довольно омерзительна в своем самопоглощении, словно подросток, давящий прыщи. Она вставляла «блядь» в каждое предложение – очевидно, в поисках жизненной правды. Джей хотел смеяться. Она произносила «блядь».

Он знал, что не пьян. Он допил бутылку много часов назад – и даже тогда был практически трезв. После всех дел он решил пропустить урок, но все же пошел, внезапно придя в ужас от мысли о возвращении в дом, где вещи Керри встретят его безмолвным упреком. «Убиваю время, – мысленно сказал он себе. – Убиваю время». Вину Джо вообще-то пора выветриться, и все-таки Джей до сих пор был странно навеселе. Будто нормальный порядок вещей приостановился на день, своего рода нечаянный выходной. Может, он слишком много думал о Джо. Воспоминания накатывали одно за другим, он давно потерял им счет, словно в бутылке было не вино, но время, что раскручивалось струйкой дыма, подобно джину из прокисшего осадка, изменяя его, заставляя его... что? Сходить с ума? Или, наоборот, трезво мыслить? Он не мог сосредоточиться. Ретростанция, неизменно настроенная на те давние летние дни, бесцельно пульсировала в подсознании. Ему словно опять тринадцать, и голова набита мечтами и фантазиями. Сидит на уроке и вдыхает запахи лета, плывущие через окно, а переулочек Пог-Хилл – рукой подать, за углом, и вязкое тиканье часов отмеряет время до конца уроков.

Но он же теперь учитель, вспомнил он. Учитель, который ждет не дожидается конца занятий. А ученики страстно жаждут продлить их, впитать каждое бессмысленное слово. В конце концов, он, Джей Макинтош, – человек, который написал «Три лета с Пьяблочным Джо». Писатель, который никогда не писал. Учитель, которому нечему учить.

Подумав так, он расхохотался.

Должно быть, что-то в воздухе, решил он. Дуновение веселящего газа, аромат дальних странствий. Бубнящая девушка сбилась, замолкла – а может, уже дочитала – и уставилась на него с безмолвным упреком. Она так походила на Керри, что он не удержался и снова захохотал.

– Сегодня я купил дом, – внезапно сказал он.

Они молча смотрели на него. Юноша в байроновской рубашке старательно записал: «Сегодня... я купил... дом».

Джей вытащил брошюру из кармана и снова посмотрел на нее. Она измялась и запачкалась оттого, что он все время ее теребил, но при виде снимка сердце его екнуло.

– Ну, не совсем дом, – поправился он. – Шатто. – Он снова засмеялся. – Так его называл Джо. Его шатто в Бордо.

Он открыл брошюру и зачитал описание. Студенты покорно внимали. Байроновская Рубашка конспектировал.

– «Шато Фудуин, Ло и Гаронна. Ланскне-су-Танн. Это подлинное шато восемнадцатого века в сердце самого известного винодельческого региона Франции включает в себя виноградник, фруктовый сад, озеро и обширные некультуренные земли, а также гараж, винокурню в рабочем состоянии, пять спален, приемную, гостиную и подлинные дубовые стропильные балки. Возможна перестройка». Конечно, мне пришлось заплатить немного больше, чем пять тысяч фунтов. С тысяча девятьсот семьдесят пятого цены выросли.

Секунду Джей гадал, многие ли из них уже хотя бы родились в семьдесят пятом. Они молча смотрели на него, пытаюсь понять.

– Прошу прощения, доктор Макинтош, – встряла девица – она так и не села и сейчас глядела на него довольно агрессивно. – Вы не могли бы объяснить, как это связано с моим заданием?

Джей снова засмеялся. Внезапно все показалось ему забавным, нереальным. Можно выкинуть все, что угодно, сказать что угодно. Норма на время забыта. Он сказал себе, что именно таким и должно быть опьянение. Оказывается, все эти годы он напивался совершенно неправильно.

– Конечно. – Он улыбнулся ей. – Это, – он поднял брошюру, чтобы всем было видно, – это самый оригинальный и выразительный художественный текст, который я видел с начала семестра.

Тишина. Даже Байроновская Рубашка оторвался от конспекта и уставился на него, открыв рот. Джей широко улыбнулся классу, ища отклика. Все тщательно следили за собственными лицами.

– Что вы тут делаете? – внезапно поинтересовался он. – Чему вы надеялись научиться на этих уроках?

Он старался не засмеяться над их шокированными лицами, над их благовоспитанным потрясением. Он чувствовал себя моложе любого из них, провинившимся учеником перед полной комнатой косных, педантичных учителей.

– Вы молоды. У вас богатое воображение. За каким хреном вы пишете о чернокожих матерях-одиночках и наркоманах из Глазго и лепите куда попало слово «блиадь»?

– Но, сэр, вы дали задание.

Агрессивная девица не сдавалась. Она сверлила его взглядом, сжимая отвергнутое задание тонкими пальцами.

– К черту задание! – весело вскричал он. – Вы пишете не потому, что кто-то дает задания! Вы пишете потому, что не можете не писать, или потому, что надеетесь – вас кто-то услышит, или чтобы починить то, что внутри вас сломалось, или вернуть что-то к жизни...

Дабы подчеркнуть свои слова, он хлопнул по тяжелой разбухшей сумке на столе, и та брякнула друг о друга бутылками – безошибочно узнаваемый звон. Кое-кто из студентов переглянулся. Джей вновь повернулся к классу, уже почти в бреду.

– Где волшебство, я вас спрашиваю? – поинтересовался он. – Где ковры-самолеты, и гаитянское вуду, и одинокие стрелки, и обнаженные леди, привязанные к железнодорожным путям? Где индейские следопыты, и четверорукие богини, и пираты, и гигантские обезьяны? Где, черт побери, космические пришельцы?

Повисла долгая пауза. Студенты глазели. Девушка вцепилась в свое задание так крепко, что страницы смялись в кулаке. Лицо ее побелело.

– Да вы пьяны, верно? – Ее голос дрожал от ярости и отвращения. – Вот почему вы так со мной поступаете. Вы наверняка пьяны.

Джей снова засмеялся.

– Перефразируя не помню кого – Черчилля, кажется, – я-то проспуюсь, а ты наутро так и будешь уродиной.

– Блядь! – кинула она ему в лицо, на сей раз произнеся слово правильно, и прошествовала к двери. – Иди ты в задницу со своими уроками! Я все расскажу декану!

Ее уход почтили секундой молчания. Потом начались шепотки. Комнату затопило ими. Мгновение Джей сомневался, реальные ли это звуки или существуют лишь у него в голове. Сумка звенела и лязгала, крутилась и вертелась. Звук, воображаемый или нет, плыл над комнатой.

Затем Байроновская Рубашка встал и захлопал.

Несколько студентов опасно посмотрели на него и присоединились. Потом еще несколько. Вскоре половина класса стояла и большинство хлопало. Они хлопали, когда Джей подхватил свою сумку, повернулся к двери, открыл ее, вышел и очень бережно закрыл за собой. Потом хлопки увяли, и недоуменно загудели голоса. В сумке звенели, стучались друг о друга бутылки. Подле меня, закончив свой труд, «Особые» выбалтывали свои секреты.

10

Пог-Хилл, июль 1975 года

После этого он часто бывал у Джо, хотя так и не полюбил его вино. Джо не удивлялся его приходу, а просто лез за бутылкой лимонада, словно ждал его. И

про амулет не спрашивал. Джей пару раз закинул удочку со скептицизмом человека, который втайне хочет, чтобы его убедили, но старик был уклончив.

- Волшебство, - сказал он и подмигнул, намекая, что шутит. - Выучился у одной леди из Пуэрто-де-ла-Крусa.[24 - Город на Тенерифе, крупнейшем из Канарских островов.]

- Ты же, кажется, говорил про Гаити, - перебил его Джей.

Джо пожал плечами.

- Какая разница? - спокойно сказал он. - Сработало ведь?

Джею пришлось признать, что да, сработало. Но ведь это всего лишь травы, верно? Травы и веточки, завернутые в тряпочку. И все же они сделали его...

Джо усмехнулся.

- Нет, сынок. Не невидимым.

Он сдвинул козырек кепки с глаз.

- А каким?

Джо пристально посмотрел на него.

- Некоторые растения обладают особыми свойствами, так? - спросил он.

Джей молча кивнул.

- Аспирин. Дигиталис. Хинин. В старину их называли бы волшебством.

- Лекарством.

- Как скажешь. Но пару сотен лет назад никакой тебе разницы не было между магией и медициной. Люди просто знали что-то. Верили во что-то. Например, что

гвоздика унимает зубную боль, болотная мята лечит ангину, а ветки рябины отгоняют злых духов. – Он глянул на мальчика, словно проверяя, не смеется ли тот. – Свойства, – повторил он. – Много узнаешь, путешествуя, если глаз не закрывать.

Джей никогда не понимал, взаправду ли Джо верит, или его беззаботное приятие магии – часть тщательно разработанного плана по ошеломлению мальчика. Конечно, старик любил пошутить. Вопиющее невежество Джея во всем, что связано с садоводством, забавляло Джо, и несколько недель он позволял парню верить, что невинный лемонграсс в действительности представляет собой макаронное дерево – показывал ему мягкие бледные ростки «спагетти» меж тонких, как бумага, листьев – или что гигантские борщевики могут вытаскивать корни из земли и ходить, как триффиды[25 - Вымышленные хищные растения, персонажи романа «День триффидов» Джона Уиндема.], и даже что мышью можно поймать на валериану. Джей был доверчив, и Джо развлекался, изобретая все новые способы его подловить. Но кое в чем он был искренним. Возможно, годами убеждая других, он со временем поверил в свои выдумки сам. Его жизнью управляли крошечные ритуалы и суеверия, многие из которых происходили из потрепанного экземпляра «Травника» Калпепера[26 - «Полный травник» Николаса Калпепера, английского ботаника, травника, медика и астролога XVII в.], который Джо хранил под подушкой. Он щекотал помидоры, чтобы они росли. Не выключал радио, заявляя, что растения крепнут от музыки. Предпочитал «Радио-1»[27 - Одна из основных программ Би-би-си, передающая поп-музыку.] – утверждал, что лук-порей вырастает на два дюйма после каждого «По заявкам детей» Эда Стюарта, – и неизменно включал его, работая в саду, и подпевал «Королеве диско» или «Будь рядом с мужем»[28 - «Disco Queen», песня из альбома «Discomania» британской поп-рок-группы «Hot Chocolate»; «Stand by Your Man», песня Билли Шеррилла и Тэмми Уайнетт, в 1975 г. ставшая хитом в Британии.]; старческий проникновенный голос торжественно взмывал над кустами красной смородины, пока Джо разрыхлял и обрезал. Сажал он только на новую луну, а собирал – на полную. В теплице висел лунный календарь, и каждый день был помечен дюжиной разноцветных чернил: коричневые обозначали картошку, желтые – пастернак, оранжевые – морковь. Полив также производился по астрологическому расписанию, как и обрезка и рассадка деревьев. Как ни странно, от такого эксцентричного обращения сад процветал, красуясь стройными, крепкими рядами капусты и репы, сладкой, сочной, загадочным образом избавленной от слизняков моркови, деревьев, чьи ветки заметно пригибались к земле под весом яблок, груш, слив, вишен. Яркие знаки, по виду восточные, были скотчем примотаны к веткам – якобы чтобы птицы не клевали фрукты. Астрологические символы, старательно выложенные

из черепков и осколков цветного стекла на гравийных дорожках, ограждали клумбы. В саду Джо китайская медицина браталась с английским фольклором, а химия – с мистицизмом. Джей вполне мог и поверить. Разумеется, Джей верил. В тринадцать поверишь во что угодно. Будничное волшебство, называл это Джо. Любительская алхимия. Никакой суеты, никаких фейерверков. Лишь смесь вершков и корешков, собранных при удачном расположении планет. Пробормотанное заклинание, нарисованный в воздухе знак, в странствиях подсмотренный у цыган. Может, ни во что прозаичнее Джей не поверил бы. Но, несмотря на его веру – а может, благодаря ей, – было в Джо нечто удивительно мирное, некий внутренний покой, что окружал его и наполнял мальчика любопытством и своего рода завистью. Джо казался таким безмятежным, жил один в своем домике, в окружении растений, и все же обладал поразительным умением удивляться и восторженно любоваться миром. Образования у него, считай, не было, в двенадцать лет бросил школу и пошел в шахту, и все же он бесконечно извергал знания, байки и фольклор.

Лето шло, и Джей навещал Джо все чаще. Тот никогда не задавал вопросов, но позволял Джею говорить, пока работал в саду или на незаконных посевах на насыпи, время от времени кивал, давая понять, что все слышит, что слушает. Они перекусывали фруктовым пирогом и толстыми сэндвичами с яйцом и беконом – диетических хлебцев для Джо не существовало – и пили крепкий сладкий чай из кружек. Время от времени Джей приносил сигареты и конфеты или журналы, и Джо принимал эти дары без особой благодарности или удивления, в точности как само присутствие мальчика. Немного освоившись, Джей даже почитал ему свои рассказы – Джо выслушал в торжественном и, как показалось Джею, благосклонном молчании. Когда Джею не хотелось говорить, Джо рассказывал о себе, о работе в шахте, о том, как отправился во Францию на войну и полгода куковал в Дьеппе, пока граната не оторвала ему два пальца на руке – при этом изуродованная конечность извивалась, точно шустрая морская звезда, – и как потом, негодный к строевой, он еще шесть лет провел в шахте, пока не уплыл в Америку на сухогрузе.

– Потому как из-под земли мир особо не увидишь, сынок, а мне ужасно хотелось глянуть, как оно там в других краях. А ты много путешествовал?

Джей рассказал ему, что два раза был во Флориде с родителями и по разу – на юге Франции, на Тенерифе и в Алгарви[29 - Историческая область на юге Португалии.] на каникулах. Джо презрительно фыркнул:

– Я ж про настоящие путешествия, сынок. Не про всякую чушь из туристских брошюр. Парижский Новый мост ранним утром, когда никого нету, одни бродяги выползают из-под мостов и из метро, а солнце отражается в воде. Нью-Йорк, Центральный парк весной. Рим. Остров Вознесения[30 - Вулканический остров в центральной части Атлантического океана; принадлежит Великобритании.]. Перебраться через итальянские Альпы на ослике. Уплыть с Крита на каике зеленщика. Пересечь Гималаи пешком. Есть рис с листьями в храме Ганеши. Попасты в шторм у берегов Новой Гвинеи. Встретить весну в Москве, когда целая зима собачьего говна из-под талого снега лезет. – Его глаза сверкали. – Я все это видал, сынок, – мягко сказал он. – И много чего еще. Я себе поклялся, что увижу все.

Джей верил ему. Карты путешествий висели на стенах, старательно подписанные неровным почерком и утыканные булавками с цветными головками, отмечающими места, где Джо побывал. Он травил байки о борделях Токио и храмах Таиланда, о райских птицах, баньянах и стоячих камнях на краю земли. В большом комодe для пряностей у кровати хранились миллионы семян, аккуратно завернутые в квадратики газетной бумаги и помеченные мелко и разборчиво: *tuberosa rubra maritima*, *tuberosa rapax odorata*, тысячи и тысячи картофельных семян, разложенных по полочкам, а еще семена моркови, тыквы, томатов, артишоков, лука-порея – одного лука сотни три сортов; шалфей, тимьян, сладкий бергамот и поразительный, драгоценный запас лекарственных трав и овощей, собранный в путешествиях, – все подписаны, упакованы и готовы к посадке. Некоторые из этих растений в диком виде уже не встречаются, сказал Джо, их свойства забыты всеми, кроме кучки знатоков. Из миллионов когда-то существовавших овощей и фруктов ныне выращивают дай бог пару дюжин.

– Это все ваше интенсивное земледелие, – говаривал он, опершись на лопату, чтобы отхлебнуть чая из кружки. – Специализация убивает разнообразие. К тому же людям разнообразие не нужно. Они хотят, чтобы все было одинаковое. Помидоры – красные и круглые, неважно, что есть желтые и длинные, которые в сто раз вкуснее, если рискнуть их попробовать. Красные лучше смотрятся на полках.

Он неопределенно обвел рукой посева, стройные ряды овощей, взошедших на насыпи, самодельные холодные парники в бесхозной сигнальной будке, фруктовые деревья, опирающиеся на стену.

– Тут такое растёт, чего не найдёшь во всей Англии, – тихо произнес он, – а в комодике моем есть такие семена, что не найдёшь во всем белом свете.

Джей благоговейно слушал. Он никогда прежде не интересовался растениями. Он едва ли сумел бы сказать, чем «Грэнни Смит» отличается от «Ред делишес»[31 - Популярные американские сорта яблок: «Грэнни Смит» зеленые, «Ред делишес» красные.]. Картошку он, разумеется, видел и прежде, но разговоры Джека о голубых пъяблоках и розовых ельяблоках выходили за рамки его опыта. Мысль о том, что здесь прячется тайна, что загадочные, забытые вещи растут прямо тут, на насыпи, и старик – их единственный хранитель, воодушевляла Джея – он и не подозревал, что такое возможно. Конечно, отчасти в этом был повинен Джо. Его рассказы. Его воспоминания. Его сила. Джей начал видеть в Джо то, чего ни в ком еще не встречал. Призвание. Целеустремленность.

– Почему ты вернулся, Джо? – спросил он как-то раз. – Ты столько ездил по миру. Зачем ты вернулся сюда?

Джо серьезно выглянул из-под козырька своей шахтерской кепки.

– Это часть моего плана, сынок, – сказал он. – Я ж не навсегда вернулся. Когда-нибудь снова уеду. Когда-нибудь. Очень скоро.

– Куда?

– Сейчас покажу.

Он полез в спецовку и достал потертый кожаный бумажник. Открыв его, развернул фотоснимок, вырезку из цветного журнала, очень осторожно, чтобы тот не разъехался по побелевшим сгибам. На снимке был дом.

– Что это?

Джей сощурился на картинку. Ничего особенного, большой дом из выцветшего розоватого камня, перед ним длинная полоса земли, где стройными рядами что-то растёт. Джо разгладил листок.

– Мое шатто, сынок, – сказал он. – В Бордо, вот где, во Франции. Мое шатто с виноградником и столетним фруктовым садом, а там персики растут, миндаль, яблоки и груши. – Его глаза лучились. – Вот только денег поднакоплю, куплю его – пяти тыщ хватит – и сделаю лучшее вино на всем юге, во как. «Шатто Кокс, 1975». Ну как, звучит?

Джей глядел на него с сомнением.

– Солнце светит в Бордо круглый год, – весело продолжал Джо. – Апельсины в январе. Персики с крикетный мяч. Оливы. Киви. Миндаль. Дыни. И простор. Целые мили фруктовых садов и виноградников, земля дешевле грязи. Земля как фруктовый пирог. Хорошенькие девочки давят виноград босыми ногами. Рай.

– Пять тысяч фунтов – это очень много, – с сомнением сказал Джей.

Джо постучал пальцем по носу.

– Разберусь, – загадочно произнес он. – Если чего хочешь по-настоящему, рано или поздно получишь.

– Но ты даже по-французски не говоришь.

В ответ Джо внезапно разразился потоком непонятной тарабарщины, не похожей ни на один язык, который Джей слышал.

– Джо, я учу французский в школе, – сообщил он. – Это совсем не...

Джо снисходительно посмотрел на него.

– Это диалект, сынок, – пояснил он. – Выучился у цыганского табора в Марселе. Мне там самое место, это уж как пить дать.

Он аккуратно сложил картинку и убрал в бумажник. Джей благоговейно тарацился на него, полностью убежденный.

– Погодь, потом сообразишь, о чем это я, сынок, – сказал Джо. – Погодь только чуток.

– Можно с тобой? – спросил Джей. – Возьмешь меня?

Джо старательно подумал, склонив голову к плечу.

– Это можно, сынок, если хошь. Можно, ага.

– Обещаешь?

– Заметано. – Он усмехнулся. – Обещаю. Кокс и Макинтош, лучшие виноделы в Бордо, во как. Неплохо, а?

Они выпили за его мечты теплого «Ежевичного 1973».

11

Лондон, весна 1999-го

Джей приехал в «Спайс» лишь к десяти, когда вечеринка была уже в самом разгаре. Опять Керри спускает литератора на воду, уныло подумал он. Скучающие журналисты, дешевое шампанское, и пылкие юные существа ходят на задних лапках перед blase[32 - Пресыщенными (фр.).] стариками вроде него самого. Керри никогда не уставала от подобных мероприятий, сыпала именами, как конфетти: Жермен, и Уилл, и Эван, – порхала от одного важного гостя к другому с пылом верховной жрицы. Джей только сейчас понял, как страстно ненавидит все это.

Заскочив домой на пару минут, кое-что взять, он увидел, что красный огонек на автоответчике яростно мигает, но слушать сообщение не стал. Бутылки в сумке вели себя очень тихо. Теперь брожение шло только в Джее: он дрожал и трясся, сейчас навеселе, через мгновение вот-вот разрыдается, рылся в своих пожитках, точно вор, боялся, что, если остановится хоть на секунду, утратит движущую силу и вяло плюхнет обратно в старую жизнь. Он включил радио, и да, там опять была ретростанция, Род Стюарт пел «Под парусами», Джо ее очень любил – «напоминает мне о странствиях, сынок», – и Джей слушал ее, запихивая

одежду в сумку поверх безмолвных бутылок. Забавно, со сколь немногими вещами он не в состоянии расстаться. Пишущая машинка. Неоконченная рукопись «Отважного Кортеса». Несколько любимых книг. Само радио. И конечно, «Особые» Джо. Еще один импульс, сказал он себе. Вина бесполезны, их почти невозможно пить. И все же не отпускало ощущение, что в бутылках прячется нечто нужное. То, без чего ему не обойтись.

«Спайс» мало чем отличался от других лондонских клубов. Имена меняются, меняется интерьер, но сами заведения остаются неизменными – глянцевыми, шумными и бездушными. К полуночи большинство гостей оставят попытки прикинуться интеллектуалами и возьмутся за дела посерьезнее – выпивку, флирт и оскорбление конкурентов. Вылезая из такси с сумкой через плечо и единственным чемоданом в руке, Джей сообразил, что забыл приглашение. После перебранки со швейцаром ему, впрочем, удалось передать весточку Керри, и та выскочила через несколько минут с поджатыми губами в платье от «Гоуст».

– Все в порядке, – бросила она швейцару. – Просто он ни на что не годится, только и всего.

Ее зеленые глаза хлестнули по Джейу, отметив джинсы, плащ, сумку.

– Смотрю, «Армани» ты не надел, – подколола она.

Эйфория наконец-то прошла, оставив какое-то смутное похмелье, но Джей с удивлением понял, что решимость не испарилась. Прикосновение к сумке как будто успокаивало, и Джей коснулся ее, будто хотел убедиться в ее реальности. Бутылки тихонько звякнули под парусиной.

– Я купил дом. – Джей предъявил мятую брошюру. – Смотри. Это шато Джо, Керри. Я купил его сегодня утром. Я его узнал.

Под этим пристальным зеленым взглядом он казался себе до нелепого инфантильным. Почему он думал, что она поймет? Он и сам-то едва понимал.

– Его название – шато Фудуин, – сказал Джей.

Керри уставилась на него.

– Ты купил дом?

Он кивнул.

– Просто взял и купил? – недоверчиво переспросила она. – Сегодня?

Джей снова кивнул. Так много слов теснилось на языке. Это судьба, хотел сказать он, то самое волшебство, которое он двадцать лет пытался вновь отыскать. Он хотел рассказать о брошюре, о квадратике солнечного света, о том, как картинка прыгнула на него со страницы. Он хотел поведать о внезапной уверенности, о том, что это дом выбрал его, а не наоборот.

– Ты не мог купить дом. – Керри все никак не могла смириться с этой мыслью. – Господи, Джей, да ты рубашки часами выбираешь!

– Это совсем другое. Больше похоже на...

Он отчаянно пытался выразить словами, на что это похоже. Завладевшее им желание приобрести дом было поистине сверхъестественным. Ничего подобного не бывало с отрочества. Знание, что жизнь не будет полной без некоего бесконечно желанного, волшебного, тотемного предмета – пары рентгеновских очков, набора переводных картинок с «Ангелами Ада», билета в кино, нового сингла модной группы; уверенность, что обладание все изменит, и ты нащупываешь, проверяешь, перепроверяешь в кармане – здесь ли? Со взрослыми такого не случается. Это слишком примитивно, слишком глубоко для них. Джей вздрогнул от удивления, поняв, что двадцать лет ничего настоящего не хотел.

– Это похоже на... возвращение в Пог-Хилл, – наконец сказал он, зная, что она не поймет. – Как будто последних двадцати лет не было.

Лицо Керри оставалось бесстрастным.

– Поверить не могу, что ты с бухты-барахты купил дом, – сказала она. – Машину – еще куда ни шло. Ну ладно, мотоцикл. С тебя станется, если подумать. Большие

игрушки. Но дом? – Она озадаченно затрясла головой. – Что ты собираешься с ним делать?

– Жить в нем, – безмятежно сообщил Джей. – Работать.

– Но он же где-то во Франции. – Ее голос зазвенел от злости. – Джей, я не могу себе позволить неделями торчать во Франции. Мне через месяц новый цикл снимать. У меня куча обязательств. Ладно, аэропорт хотя бы недалеко?

Она осеклась, вновь перевела взгляд на сумку, словно впервые увидела чемодан, дорожную одежду. Меж ее выгнутых бровей прорезалась складка.

– Керри, слушай...

Керри властно подняла ладонь.

– Иди домой, – сказала она. – Мы не можем говорить об этом здесь. Иди домой, Джей, отдохни, мы обсудим все подробно, когда я вернусь. Хорошо?

Голос опасливый, будто она обращалась к легковозбудимому маньяку.

Джей покачал головой.

– Я не вернусь, – сказал он. – Мне надо на время уехать. Я хотел попрощаться.

Даже теперь Керри не выказала удивления. Раздражение – да. Почти злость. Но она оставалась спокойной, уверенной – во что там она верила.

– Ты снова пьян, Джей, – объявила она. – Ты не подумал как следует. Ты явился ко мне с безумной идеей о втором доме, и когда я не пришла в восторг немедленно...

– Это не второй дом.

Его тон удивил их обоих. Секунду он был почти груб.

– Это что еще за хрень?

Тихо, угрожающе.

– А вот что: ты меня не слушаешь. Сомневаюсь, что ты вообще когда-нибудь по-настоящему меня слушала. – Он перевел дух. – Ты всегда мне говорила, что пора вырасти, жить своим умом, встать на ноги. Но ты с радостью поселила меня у себя дома, чтобы я во всем от тебя зависел. У меня нет ничего своего. Связи, друзья – они все твои, не мои. Ты даже одежду мне выбираешь. У меня есть деньги, Керри, у меня есть книги, я определенно больше не голодаю в мансарде.

Керри ответила весело, даже снисходительно:

– Так вот в чем, оказывается, дело? Декларируем независимость? – Она клюнула его в щеку. – Хорошо. Я так понимаю, на вечеринку ты не хочешь, – извини, что утром не поняла, ладно?

Она положила руку ему на плечо и улыбнулась. Патентованной улыбкой Керри О'Нил.

– Пожалуйста. Выслушай. Хоть разок.

Уж не это ли чувствовал Джо, подумал Джей. Настолько проще уйти без единого слова, избавиться от упреков, слез, неверия. Избавиться от вины. Но почему-то он не мог так поступить с Керри, не мог, и все. Она больше не любит его, и он это знает. Если вообще когда-нибудь любила. Но все равно он не мог так поступить. Возможно, потому что знал, каково это.

– Попытайся понять. Этот город... – Он взмахнул рукой, обозначая клуб, улицы в неоновом свете, низкое небо, весь Лондон под ним, задыхающийся, темный, зловещий. – Я больше не здешний. Я тут не могу толком думать. Я целыми днями жду, когда же что-нибудь случится, жду какого-то знака...

– Господи боже, ты как маленький! – внезапно разъярилась она, ее голос взмыл рассерженной птичьей трелью. – Это твое оправдание? Подростковые тревоги, а? Если б ты меньше грезил об этом старом ублюдке, о Джо Коксе твоём, и посмотрел для разнообразия вокруг, если б ты только взял на себя

ответственность, вместо того чтоб талдычить о знаках и знамениях...

- Но я так и делаю, - перебил он. - Я беру на себя ответственность. Делаю то, о чем ты прожужжала мне все уши.

- Сбегая во Францию? - Теперь в ее голосе слышалась почти паника. - Ну нет! Ты всем мне обязан. Ты и двух минут без меня бы не протянул. Я представила тебя людям, подняла все свои связи. Ты был никем, писателем-однодневкой, бывшим гением, чертовой подделкой...

Джей секунду бесстрастно смотрел на нее. Странно, отстраненно подумал он, как быстро может сорванец превратиться в убогую посредственность. Ее тонкие красные губы злобно поджаты. Глаза сузились. Злость, знакомая и освобождающая, окутала его плащом, и он рассмеялся.

- Не пори чушь, - сказал он. - Это всегда было выгодно нам обоим. Ты любила небрежно ронять мое имя на вечеринках, правда же? Я был вроде сумочки. Я был тебе к лицу. Все равно как читать стихи в подzemке. Люди видели нас вместе и думали, что ты настоящая интеллектуалка, а не журналистка-подражательница без единой оригинальной мысли в голове.

Она тарасилась на него, изумленная и взбешенная. Ее глаза широко распахнулись.

Что?!

- Прощай.

Он шагнул к двери.

- Джей!

Она вцепилась в него, резко хлопнула по сумке. Бутылки внутри перешептывались и хихикали.

- Да как ты смеешь меня бросать? - прошипела она. - Ты охотно пользовался моими связями, когда тебе было удобно. Да как ты смеешь отворачиваться и

говорить, что уходишь, толком даже не объяснив? Если тебе нужно личное пространство, так и скажи. Вали в свое французское шато, раз уж приспичило, наслаждайся атмосферой, если это тебе на пользу. – Внезапно она уставилась на него. – В этом все дело? Ты пишешь новую книгу? – Голодный голос, злость переросла в возбуждение. – Если так, ты должен мне сказать, Джей. Ты просто обязан. После стольких лет...

Джей посмотрел на нее. Так просто ответить «да», сказал он себе. Дать ей то, что она сможет понять и, может, простить.

– Не знаю, – наконец сказал он. – Вряд ли.

Подъехало такси, Джей махнул ему, кинул багаж на заднее сиденье и вслед прыгнул сам. Керри разочарованно взревела и вмазала ладонью в окно такси, точно Джею в лицо.

– Тогда вали! Беги! Прячься! Не забудь, ты такой же, как он: трус! Больше ты ничего не умеешь! Джей! Джей!

Такси плавно отъехало от обочины, Джей усмехнулся и откинулся на свою сумку. Ее содержимое тихо и довольно позвякивало всю дорогу до аэропорта.

12

Пог-Хилл, лето 1975 года

Лето шло своим чередом, и Джей все чаще заходил в переулок Пог-Хилл. Джо, казалось, был рад его видеть, но помалкивал, когда Джей не приходил, и мальчик целыми днями прятался у канала или железной дороги, охраняя свою неверную территорию, выслеживая Зета и двух его друзей. Тайник у шлюза больше не был надежен, поэтому Джей вынул коробку с сокровищами из углубления в насыпи и принялся подыскивать место побезопаснее. Наконец нашел: в брошенной машине на свалке, приклеил коробку скотчем снизу к сгнившему бензобаку. Джей любил этот старый автомобиль. Он часами нежился на его единственном уцелевшем сиденье, спрятанный от чужих глаз буйной

зеленью, и вдыхал заплесневелый запах старой кожи. Раз или два он слышал невдалеке голоса Зета с приятелями, но, припав к низкому брюху машины – и крепко зажав амулет Джо в руке, – был в безопасности, если только они не надумают сунуть нос внутрь. Он наблюдал и слушал, опьяненный радостью слезки за врагами. В такие мгновения он верил в амулет безоговорочно.

Лето неизбежно катилось к закату, и Джей понимал, что постепенно полюбил Керби-Монктон. Как ни сопротивлялся, он нашел здесь то, чего у него нигде еще не было. Июль и август неторопливыми белыми шхунами проплыли мимо. Он приходил в переулок Пог-Хилл почти каждый день. Иногда они с Джо были одни, но слишком часто в доме бывали гости, соседи, друзья, хотя семьи у Джо, похоже, не было. Джей иногда ревновал Джо, обижался, что тот тратит время на чужаков, но Джо всегда был приветлив, ящиками раздавал фрукты из своего сада, пучки моркови, картошку, бутылку ежевичного вина одному, рецепт зубного порошка другому. Он составлял приворотные зелья, чаи, саше. Люди делали вид, будто пришли за овощами и фруктами, а сами таились, тихо перешептывались с Джо, иногда уходили, пряча кулечки из салфеток или кусочки фланели в кулаках или карманах. Денег Джо никогда не требовал. Иногда люди давали ему что-нибудь взамен: каравай-другой хлеба, домашний пирог, сигареты. Джей гадал, где Джо берет деньги и откуда возьмутся пять тысяч фунтов, чтобы купить шато мечты. Но когда он заговаривал об этом, старик лишь смеялся.

Сентябрь маячил все ближе, и каждый день приобретал особое, мучительное значение, становился легендой. Джей гулял вдоль канала, окутанный дымкой ностальгии. Он записывал фразы, которые Джо говорил ему во время долгих бесед над кустами красной смородины, и проигрывал их в голове, лежа в постели. Он часами колесил по пустынным, теперь знакомым дорогам и вдыхал теплый прокопченный воздух. Он взбирался на холм Верхнего Керби, окидывал взором темно-фиолетовую ширь Пеннин и мечтал, чтоб ему было позволено остаться здесь навсегда.

Сам Джо, казалось, ничуть не переживал. Он вел себя как обычно, собирал фрукты и укладывал в ящики, варил варенье из падалицы, выискивал дикорастущие травы и рвал их в полнолуние, собирал чернику в торфяниках и ежевику на насыпи, готовил чатни[33 - Индийский соус из фруктов или овощей, уваренных с сахаром, пряными травами, специями и уксусом.] из помидоров и острый салат из цветной капусты, саше с лавандой от бессонницы, гаультерию[34 - Вечнозеленый кустарник из семейства вересковых.] для

быстрого исцеления, острые перчики и розмарин в масле и маринованный лук на зиму. И конечно, вино. Все лето Джей вдыхал ароматы варки сусла, брожения, созревания. Все сорта вин: свекольное, из гороховых стручков, малиновое, бузинное, шиповниковое, пьяблочное, сливовое, пастернаковое, имбирное, ежевичное. Дом превратился в винокурню, кастрюли с фруктами кипели на плите; большие бутылки в оплетке ждали на полу кухни, пока их содержимое разольют в бутылки; муслин для процеживания сох на бельевой веревке; сита, ведра, бутылки, воронки лежали ровными рядами, готовые к использованию.

Перегонный куб стоял в погребе. Здоровенный медный агрегат, похожий на гигантский чайник, старый, но отполированный и ухоженный. Джо готовил в нем свои «спирты», неразбавленные, пробирающие до слез, чистые дистилляты, которыми заливал летние фрукты, что блестящими рядами выстраивались на полках погреба. Джо называл их картофельной водкой, пьяблочным соком. Семидесятипроцентной крепости. Он клал в них равные количества фруктов и сахара – получались ликеры. Вишни, сливы, красная смородина, черника. Фрукты окрашивали ликеры фиолетовым, красным и черным в тусклом свете погреба. Каждая банка была старательно подписана и датирована. Одному этого не съесть за целую жизнь. Но Джо не переживал; большую часть он все равно раздавал. Не считая вина и пары ложек клубничного варенья с утренним тостом, Джей никогда не видел, чтобы Джо употреблял свои экстравагантные заготовки и крепкие напитки. Наверное, старик продает часть запасов зимой, думал Джей, хотя никогда ничего такого не видел. Как правило, Джо отдавал все даром.

В сентябре Джей вернулся в школу. Школа Мурлендс была ровно такой, какой он ее запомнил: благоухала пылью, хлоркой, мастикой и слабой, неотвязной застарелой кухонной вонью. Родительский развод прошел довольно гладко, после множества слезливых звонков матери и почтовых переводов хлебного барона. Как ни странно, Джей ничего не почувствовал. За лето ярость его превратилась в равнодушие. Злость почему-то казалась ему слишком детской. Он писал Джо примерно раз в месяц, хотя старик никогда не был столь пунктуален. Писатель из него никудышный, признался он и удовлетворился открыткой на Рождество и парой строчек в конце семестра. Его молчание не беспокоило Джея. Достаточно было знать, что Джо никуда не делся.

Летом Джей вернулся в Керби-Монктон. Отчасти потому, что настаивал сам; впрочем, он видел, что родители втайне вздохнули с облегчением. Мать как раз снималась в Ирландии, а хлебный барон проводил лето на яхте – если верить слухам, в компании юной модели по имени Кандида.

Джей, не раздумывая, смылся в Пог-Хилл.

13

Париж, март 1999 года

Джей заночевал в аэропорту. Он даже поспал на анатомическом оранжевом кресле, хотя все равно был слишком взвинчен и отдохнуть не получалось. Его энергия казалась неистощимой, в грудной клетке колотился электрический шар. Его чувства сверхъестественно обострились. Запахи – чистящего средства, пота, сигаретного дыма, духов, раннего утреннего кофе – накатывали волнами. В пять утра он оставил попытки заснуть и направился в кафе, где купил эспрессо, пару круассанов и дозу сахара в виде шоколада «Пулен». Первый *coatl*[35 - Комфортабельный поезд дальнего следования (фр.)] до Марсея отправлялся в десять минут седьмого. Оттуда поезд помедленнее отвезет его в Ажен, где он сможет взять такси до... куда? Карта, прикрепленная к брошюре, была всего лишь схемой, наброском, но Джей надеялся выяснить точнее, когда доберется до Ажена. Кроме того, было что-то притягательное в этом путешествии, в размытом от скорости пейзаже за окнами, в дороге – пока еще просто к крестику на карте. Словно, выпив вино Джо, он внезапно смог стать Джо, размечать путь, царапая знаки на карте, менять личность, повинуюсь своим капризам. И в то же время он будто стал легче, избавился от обиды и злости, что так долго в себе носил бесполезным балластом, много-много лет.

«Если уехать достаточно далеко, – говорил Джо, – никаких правил не останется».

Теперь Джей начал понимать. Истина, верность, подлинность. То, что привязывает нас к домам и лицам, давно ставшим чужими. Он может быть кем угодно. Ехать куда угодно. В аэропортах, на станциях и автобусных остановках возможно что угодно. Никто не задает вопросов. Люди становятся почти невидимыми. Он тут всего лишь пассажир, один из тысяч. Никто его не узнает. Никто вообще о нем не слышал.

Он умудрился несколько часов поспать в поезде, и ему приснилось – изумительно живо, – как он бежит по берегу канала на Дальнем Крае, тщетно

стараясь угнаться за уходящим угольным поездом. С невероятной ясностью видел он почему-то старомодный металл ходовых частей платформ. Он вдыхал запах угольной пыли и застарелой смазки колесных осей. И на последней платформе он увидел Джо: тот сидел на куче угля в своем оранжевом шахтерском комбинезоне и кепке механика Британских железных дорог, прощально махал руками – в одной зажата бутылка домашнего вина, в другой карта мира – и голосом, жестяным из-за расстояния, выкрикивал слова, которые Джей толком не разобрал.

Джей проснулся, хотелось выпить; до Марсея двадцать миль, сельский пейзаж за окнами слился в длинную яркую полосу. Джей сходил к мини-бару за водкой и тоником, медленно выпил, потом закурил. Сигарета все еще казалась запретным наслаждением – вина мешалась с возбуждением, будто школу прогуливаешь.

Он опять вытянул брошюру из кармана. Окончательно измятая, дешевая бумага уже расплзлась по складкам. Мгновение он почти ожидал, что чувства изменятся, что исчезнет это «должен обладать». Но оно никуда не делось. В сумке у него под боком «Особые» качались и булькали в такт поезду, осадок минувших летних дней бурлил на донышках подобно темно-красной жидкой глине.

Джею казалось, что поезд никогда не дотащится до Марсея.

14

Пог-Хилл, лето 1976 года

Он ждал на грядках. Играло радио, привязанное к ветке обрывком веревки, и Джей слышал, как Джо экстравагантным водевильным голосом подпевает песне «Парни вернулись в город» группы «Худышка Лиззи». Джо стоял спиной к нему, склонившись над полянкой логановых ягод[36 - Гибрид малины и ежевики.] с секатором в руке, и поздоровался не оборачиваясь, небрежно, словно Джей никогда и не уезжал. Джею сперва показалось, что Джо постарел: волосы под засаленной кепкой поредели, и под древней футболкой проступал острый, уязвимый хребет, но, когда старик повернулся, оказалось, что это все тот же Джо, чьи лазурные глаза и улыбка уместны в четырнадцать, а не в шестьдесят

пять. На шее у него болталось красное фланелевое саше. Внимательнее осмотрев посевы, Джей увидел, что такой же амулет украшает каждое дерево, каждый куст и даже углы теплицы и самодельного холодного парника. Крошечные ростки прятались под банками и разрезанными пополам бутылками из-под лимонада, на каждой виднелся виток красной нитки или знак, нанесенный красным мелком. Должно быть, очередная выверенная шутка Джо, типа капканов на ухверток, или шербетного растения, или просьбы сбегать в магазин для садоводов за долгим ящиком, но на сей раз в веселье старика было что-то затравленное, унылое, словно враги смыкали вокруг кольцо. Джей спросил об амулетах, ожидая шутки или подмигивания, но лицо Джо оставалось серьезным.

– Защита, сынок, – тихонько сказал он. – Защита.

Но мальчик очень нескоро понял, насколько серьезен тот был.

Лето вилось пыльной тропинкой. Джей заглядывал в переулок Пог-Хилл почти каждый день, а когда нуждался в уединении, уходил на Дальний Край и на канал. Мало что изменилось. Новые радости на свалке: выброшенные холодильники, мешки с тряпьем, часы в треснувшем корпусе, картонная коробка изорванных книг в бумажных обложках. Железная дорога тоже поставляла сокровища: газеты, журналы, разбитые пластинки, посуду, жестянки, стеклотару. Каждое утро Джей прочесывал рельсы, подбирая все, что казалось интересным или ценным, и, вернувшись в дом, делился находками с Джо. У Джо ничего не пропадало. Старые газеты летели в компост. Куски ковра сдерживали рост сорняков на грядках с овощами. Полиэтиленовые пакеты защищали ветки фруктовых деревьев от птиц. Джо показал, как из круглого конца пластиковой бутылки из-под лимонада делаются cloche [37 - Колпак из стекла или пластика для защиты растений.] для молоденьких ростков, а грядки для картофеля – из потертых автомобильных покрышек. Они целый день затаскивали выброшенный холодильник на насыпь, чтобы превратить его в парник. Металлолом и поношенную одежду складывали в картонные коробки и продавали старьевщику. Пустые банки из-под краски и пластиковые ведра превращались в горшки для растений. В благодарность Джо рассказывал Джею о саде. Мальчик потихоньку начинал отличать лаванду от розмарина, розмарин от иссопа, иссоп от шалфея. Он научился пробовать почву – подобно дегустатору табака совать щепотку земли под язык, чтобы определять ее кислотность. Он узнал, как успокаивать головную боль толченой лавандой, а желудочную – перечной мятой. Он научился заваривать чай из шлемника и ромашки, чтобы лучше спалось. Он

узнал, что картофель надо перемежать с ноготками, чтобы избавиться от паразитов, что из верхушек крапивы можно варить пиво, что, если мимо пролетит сорока, непременно надо выкинуть пальцы вилкой от дурного глаза. Конечно, иногда старик не мог устоять перед соблазном чуть-чуть пошутить. Например, подсунуть Джею луковицы нарциссов и попросить их поджарить или посадить клубничины в бордюры, чтобы проверить, вырастут ли они. Но в основном он был серьезен, или, по крайней мере, так казалось Джею, и поистине наслаждался своей новой ролью учителя. Возможно, он уже тогда знал, что конец близок, хотя Джей ничего не подозревал и счастливее всего был именно в тот год, когда сидел на грядках и слушал радио, или рылся в коробках с мусором, или держал овощерезку Джо, помогая отбирать фрукты для новой партии вина. Они спорили, что лучше: «Хорошие вибрации»[38 - «Good Vibrations», хит американской поп-группы «The Beach Boys».] (выбор Джея) или «Новехонький уборочный комбайн»[39 - «Combine Harvester (Brand New Key)», хит 1976 г. британской группы «The Wurzels».] (выбор Джо). Джей чувствовал себя в безопасности, защищенным, точно спрятался в кусочке вечности, который никогда не исчезнет, не потеряется. Но что-то менялось. Возможно, дело было в Джо: в его непривычной тревожности, настороженности, в том, что гостей становилось все меньше – иногда всего один или два за целую неделю, – а может, в новой, зловещей тишине Пог-Хилла. Больше не стучали молотки, во дворах умолкли песни, меньше белья сушилось на веревках, кроличьи клетки и голубятни опустели и разваливались.

Джо часто выходил на край своего участка и молча смотрел на пути. Поездов тоже стало меньше, парочка скорых пассажирских в день, а в остальном лишь незанятые сцепщики и угольные поезда ползли к северу на сортировочную. Рельсы, такие блестящие и яркие в прошлом году, уже покрывались ржой.

– Кажись, дорогу собираются закрыть, – как-то раз отметил Джо. – «Центральную Керби» сносят в будущем месяце. – «Центральная Керби» была главной сигнальной будкой возле станции. – Пог-Хиллу конец, если я чего смыслю.

– Но там же у тебя оранжерея, – возмутился Джей.

Сколько он знал Джо, старик использовал заброшенную сигнальную будку в пятидесяти ярдах от сада как незаконную оранжерею, и она была набита хрупкими растениями: помидоры, два персиковых дерева, пара виноградных лоз забрались на крышу и раскинули широкие, сочные листья на белом.

Джо пожал плечами.

– Обычно с них начинают, – сообщил он. – Мне и так повезло.

Его взгляд переместился на красные амулеты, прибитые к задней стене; он ущипнул один.

– Мы-то вели себя осторожно, – продолжал он. – Не привлекали внимания. Но если дорогу закроют, придут люди и снимут все рельсы от Пог-Хилла до Дальнего Края. Могут тут несколько месяцев проторчать. А это частная собственность. Принадлежит Британской железной дороге. Мы с тобой нарушители, сынок.

Джей вслед за ним посмотрел через пути и словно в первый раз вобрал взглядом раскинувшиеся посадки, ровные стройные ряды овощей, парники, сотни пластиковых горшков, дюжины фруктовых деревьев, густые заросли малины, черной смородины, ревеня. Странно: он никогда прежде не задумывался, что они нарушают чьи-то границы.

– Ой. Думаешь, они захотят их забрать?

Джо не смотрел на него. Конечно захотят. Джей видел это в профиле старика, в его глазах, подсчитывающих убытки, – долго ли пересаживать? Перестраивать? Не потому, что они им нужны, а потому, что они им принадлежат, это их территория, пустырь или нет, их земля. Джей вдруг отчетливо представил Зета и его приятелей в тот миг, когда Зет подбросил радио в воздух. Точно с такими же лицами они будут сдирать рельсы, громить оранжерею, вырывать растения и кусты, ровнять бульдозером сладкие заросли лаванды и недозревшие груши, засевавший в земле картофель, морковь и пастернак и всю загадочную экзотику, которую Джо собрал за свою жизнь. Джей внезапно захлестнула злая обида за старика, он до боли вжал кулаки в кирпичи.

– Они не посмеют! – яростно воскликнул он.

Джо пожал плечами. Конечно посмеют. Теперь Джей понимал значение амулетов, висевших где только можно, на каждом торчащем гвозде, на каждом дереве, на всем, что хотелось сохранить. Они не могли сделать сад невидимым, но могли... что? Отпугнуть бульдозеры? Нереально.

Джо промолчал. Глаза его были ясны и безмятежны. Мгновение он походил на старого стрелка из сотни вестернов, что обвешивается пистолетами для решающей схватки. Мгновение все – что угодно – казалось возможным. Что бы ни произошло позже, тогда он в это верил.

15

Марсель, март 1999 года

Поезд прибыл в Марсель около полудня. Было тепло, но пасмурно, и Джей перекинул пальто через руку, пробираясь сквозь бесцельные толпы. Он купил пару сэндвичей на лотке у платформы, но был слишком взвинчен, слишком разгорячен, чтобы есть. Поезд до Ажена опоздал почти на час и шел медленно; поездка заняла едва ли не столько же времени, сколько от Парижа до Марселя. Энергия утекала, превращаясь в усталость. Джей кое-как устроился и задремал, пока поезд останавливался у каждого столба; было жарко, хотелось пить, да еще легкое похмелье. Он по-прежнему не выдерживал и время от времени доставал брошюру – просто убедиться, что все правда, а не разыгравшееся воображение. Он пытался раскатать радио, но добился лишь белого шума.

До Ажена он добрался ближе к вечеру. К нему возвращалась бдительность, он внимательнее смотрел вокруг. Из окон вагона он видел поля и фермы, фруктовые сады и вспаханную землю шоколадного цвета. Все казалось очень зеленым. Многие деревья уже цвели; как рано, необычно для марта, подумал он, хотя его опыт садоводства ограничивался садом Джо в тысяче миль севернее. Он взял такси до агентства недвижимости – адрес значился в брошюре, – надеясь получить разрешение осмотреть дом, но контора уже закрылась. Ч-черт!

В лихорадке бегства Джей не успел обдумать, что будет делать, если подобное произойдет. Найдет гостиницу в Ажене? Не увидев сперва дом – ни за что. Его дом. От одной мысли волоски на руках встали дыбом. Завтра воскресенье. Скорее всего, агентство снова будет закрыто. Придется ждать до утра понедельника. Он стоял в нерешительности, таксисту у него за спиной не терпелось уехать. А вообще далеко ли до Ланскне-су-Танн? Наверняка там есть какая-нибудь гостиница, что-нибудь до боли банальное, вроде «Кампания», или

«Ибис»[40 - Крупные французские сети отелей.], или хотя бы chambre d'hôte[41 - Комнаты внаем (фр.)], где можно остановиться. Половина шестого. Он успеет осмотреть дом, пусть только снаружи, пока не стемнеет.

Желание было непреодолимо. Обернувшись к скупающему таксисту, Джей с непривычной решимостью показал карту:

- Vous pouvez m'y conduire tout de suite?[42 - Не могли бы вы прямо сейчас отвезти меня в гостиницу? (фр.)]

Таксист помолчал эдак задумчиво, неторопливо – обычное дело в этих краях. Джей вытащил из кармана джинсов пачку банкнот. Водитель меланхолично пожал плечами и кивком велел лезть обратно в машину.

Джей обратил внимание, что помочь с багажом таксист не предложил.

Поездка заняла полчаса. Джей снова прикорнул на пропахшем кожей и табаком заднем сиденье, пока водитель курил «Голуаз» и довольно бормотал себе под нос; от души давя на гудок, он пробирался через пробки и сворачивал на узкие улочки, где надменно трубил на каждом углу и время от времени разгонял стайки цыплят, которые с возмущенным писком подлетали в воздух. Джей проголодался и хотел пить. Он решил, что перекусит в Ланскне. Но теперь, глядя на пыльный переулок, по которому, подпрыгивая, мчалось такси, он всерьез усомнился, что ему это удастся.

Он похлопал водителя по плечу.

- C'est encore loin?[43 - Еще далеко? (фр.)]

Таксист пожал плечами, ткнул пальцем вперед и, гроыхая, затормозил.

- La.[44 - Там (фр.)]

Ну конечно, вон же он, за рощицей. Красные косые лучи застенчивого заката освещали черепичную крышу и побеленные стены довольно зловеще. Где-то в стороне блестела вода, а сад – на фотографии зеленый – сейчас купался в пене бледных цветов. Он был прекрасен. Джей отдал водителю львиную долю

оставшихся французских денег и вытащил чемодан на дорогу.

– Attendez-moi ici. Je reviens tout de suite.[45 - Подождите меня здесь. Я скоро вернусь (фр.).]

Водитель неопределенно махнул рукой; Джей трактовал это как согласие и, оставив такси ждать на обочине пустынной дороги, быстро зашагал к деревьям. От рожицы дом и виноградник были видны намного лучше. Фотография в брошюре была обманчивой, она едва ли передавала масштаб. Как и положено городскому парню, Джей понятия не имел об акрах, но участок казался огромным; с одной стороны граница шла по дороге и реке, с другой – по длинной живой изгороди, что уходила за дом, в поля. За рекой он увидел другой жилой дом, маленький, с низкой крышей, а дальше деревню – церковный шпиль, дорогу, бегущую от реки, дома. Дорожка к дому вилась мимо виноградника – лозы уже зеленели и тянулись ввысь среди зарослей сорняков – и мимо заброшенного огорода, где прошлогодние спаржа, артишок и капуста качали пушистыми макушками над одуванчиками.

Джей шел до дома десять минут. Вблизи он заметил, что здание, как и виноградник и огород, нуждается в некотором ремонте. Розоватая краска местами облупилась, явив потрескавшуюся серую штукатурку. Черепицы осыпались с крыши и завалили осколками заросшую тропу. Окна первого этажа были закрыты ставнями или заколочены, а часть стекол верхнего разбита, отчего создавалось впечатление, что дом беззубо щерится. Передняя дверь забита. В целом казалось, что в доме годами никто не жил. Однако за огородом явно недавно – ну, или почти недавно – приглядывали. Джей обошел дом, прикидывая ущерб. Внутри все может быть по-другому. Он нашел место, где сломанная ставня отходила от штукатурки, оставляя щель, через которую вполне можно было заглянуть внутрь, что он и проделал. В доме было темно, где-то вдалеке капала вода.

Внезапно что-то шевельнулось в здании. Крысы, сперва решил Джей. И снова: тихое, вкрадчивое царапанье, словно кто-то разгуливал по бетонному погребу в башмаках с металлическими набойками. Значит, точно не крысы.

Он крикнул – по-английски, вот глупость – «Эй!». Царапанье прекратилось.

Джей прищурился сквозь щель в ставне, и ему показалось, что он видит некое движение, легкую тень как раз там, куда он смотрит, – оно вполне могло оказаться человеком в большом пальто и кепке, надвинутой на глаза.

– Джо? Джо?!

Безумие. Конечно, это не Джо. Просто он так много думал о нем в последние дни, что начал видеть его повсюду. Вполне естественно, рассудил Джей. Когда он вгляделся снова, человек – если человек вообще был – исчез. Дом затих. На миг Джей познал разочарование или даже огорчение, которое не осмелился рассмотреть ближе из опасения, что оно окажется еще безумнее – уверенностью, быть может, что Джо и вправду мог быть там, ждать его в доме. Старина Джо, в кепке и шахтерских ботинках, в мешковатом теплом пальто, ждет в пустом доме, живет с огорода. Память безжалостно подсунула Джею образ недавно заброшенного огорода – должен же кто-то был посадить семена, есть в этом некая безумная логика. Кто-то был там.

Он посмотрел на часы и испугался, увидев, что провел у дома почти двадцать минут. Он попросил водителя подождать на обочине и не хотел проводить ночь в Ланскне. Насколько он успел разглядеть городок, вряд ли ему удастся найти достойный ночлег; к тому же ужасно хочется есть. У фруктового сада он припустил бегом, подмаренник цеплялся за шнурки, и Джей вспотел, когда наконец обогнул рожицу и выбежал на дорогу.

Такси как сквозь землю провалилось.

Джей выругался. Его чемодан и сумка нелепо выстроились на обочине. Водитель, устав ждать чокнутого англичанина, смылся.

Хочешь не хочешь, придется остаться.

«Центральная Керби» умерла в конце августа. Прячась в высоких зарослях созревшего кипрея, Джей видел, как ее закрывали, а когда рабочие ушли, забрав с собой рычаги, семафоры и все, что иначе могло быть сперто, прокрался вверх по лестнице и заглянул в окно. Журналы регистрации и маршрутные схемы остались в коробке, но стойка с рычагами разинула пустую пасть, отчего будка выглядела странно жилой, словно сигнальщик только что вышел и может вернуться в любую минуту. Тут полно полезного стекла, отметил Джей; надо бы им с Джо его забрать.

– Забудь, сынок, – сказал Джо, когда услышал об этом. – У меня и так осенью дел полно.

Джей прекрасно его понял. С начала августа Джо все больше беспокоила судьба его участка. Он редко говорил об этом прямо, но иногда прекращал работу и смотрел на свои деревья, словно прикидывая, сколько им еще отмерено. Иногда он останавливался у яблони или сливы, касался гладкой коры и говорил – с Джейм, с самим собой, – понизив голос. Он всегда называл их по имени, будто они люди.

– Мирабель. Она у меня умница. Французская слива, желтая, самое то для джема, вина, да и просто так пальчики оближешь. Ей хорошо тут на насыпи, сухо и светло. – Он приумолк. – Слишком поздно старушку пересаживать, – печально сказал он. – Не выживет. Только пустишь корни глубоко, только решишь, что будешь жить вечно, и на тебе. Ублюдки.

Впервые за несколько недель он заговорил о проблемах с участком.

– Они хотят снести Пог-Хилл. – Джо повысил голос, и Джей сообразил, что впервые видит старика в ярости. – Пог-Хилл, которому больше ста лет, заложен был, когда еще на Дальнем Крае шахта работала и землечерпалки рыли канал.

Джей уставился на него.

– Снести Пог-Хилл? – переспросил он. – В смысле, дома?

Джо кивнул.

– На днях письмо получил, – коротко ответил он. – Ублюдки считают, что тут опасно жить. Все дома хотят отобрать. Всю улицу. – Его изумленное лицо казалось зловещим. – Отобрать. Это сколько ж времени прошло? Тридцать девять лет я тут жил, с тех самых пор, как Дальний Край и Верхний Керби закрыли. Купил халупу у местного совета. Не доверял им даже тогда... – Он резко замолчал, поднял искалеченную левую руку – три пальца, насмешливый салют. – Чего им еще надо, а? Я оставил пальцы в шахте. Пускай убираются к черту из моей жизни! Я думал, это многого стоит. Я думал, такое не забывается!

Джей уставился на него, открыв рот. Такого Джо он еще не видел. Мальчик онемел от благоговения и чего-то вроде страха. Джо умолк так же резко, как заговорил, и заботливо склонился над недавно привитой веткой – проверить, как прижилась.

– Я думал, это во время войны случилось, – наконец сказал Джей.

– Что?

Привой был примотан к ветке ярко-красной ниткой. Поверх Джо намазал какой-то смолы, от которой пахло едко и сладко. Он кивнул своим мыслям, словно состояние дерева его удовлетворило.

– Ты мне говорил, что потерял пальцы в Дьеппе, – напомнил Джей. – Во время войны.

– Ну да. – Джо ничуть не смутился. – Здесь тоже война была, как ни поверни. Я их потерял, когда мне шестнадцать годков было, – защемил между вагонетками в тысяча девятьсот тридцать первом. Меня потом в армию не брали – ну, я к «Мальчишкам Бевина»[46 - Британские юноши, в 1943—1945 гг. мобилизованные на угольные шахты вместо армии по инициативе Эрнеста Бевина, британского министра труда и национальной повинности.] попал. У нас три обвала было в тот год. Семь человек осталось под землей, когда тоннель обрушился. И далеко не все взрослые – мальчишки, сверстники мои, и младше; в шахтах с четырнадцати сполна платят. Мы неделю работали по две смены, откапывали их. Мы слышали, как они кричат и плачут за обвалом, а как попытаемся их достать, опять кусок тоннеля рушится. В темноте, потому как рудничный газ, по колено в жидкой глине. Мокро, дышать нечем, и все до единого знали, что потолок может снова обвалиться в любую минуту, но мы все равно пытались. А потом заявили

хозяева и закрыли весь ствол. – Он посмотрел на Джея в неожиданном бешенстве, глаза потемнели от застарелого гнева. – Так что вот этого не надо, сынок, мол, я не был на войне, – рявкнул он. – Я знаю о войне не меньше – о том, что такое война, – чем любой парнишка во Франции.

Джей глядел на него, не зная, что сказать. Джо смотрел в пустоту и слышал крики и мольбы мальчишек, давным-давно погребенных в зарубцевавшейся ране Дальнего Края. Джей вздрогнул.

– И что ты будешь делать?

Джо пристально уставился на него, словно выискивая малейшие признаки осуждения. Затем расслабился и улыбнулся привычно и печально, одновременно ища в кармане замызганный пакетик жевательного мармелада. Взял конфетку себе, а остальные протянул Джею.

– Что всегда, сынок, – заявил он. – Я свое так просто не отдам, во как. Они у меня попляшут. Пог-Хилл – мой, и никто не заставит меня переехать в гнусную дыру какую, ни они и никто другой.

Он смачно откусил голову мармеладному человечку и достал из пакетика другого.

– Но что ты можешь? – возразил Джей. – Они же придут с ордерами на выселение. Отключат газ и электричество. Может, ты...

Джо посмотрел на него.

– Всегда можно что-то сделать, сынок, – тихо произнес он. – Думаю, пора проверить, что работает по правде, а что нет. Пора достать мешки с песком и задраить окна[47 - Мешки с песком кладут под двери во время шторма, чтобы в дом не затекала вода.]. Откормить черного петушка, как на Гаити.

Он демонстративно подмигнул, словно предлагая вместе посмеяться над своей загадочной шуткой.

Джей оглядел участок. Он увидел амулеты, прибитые к стене и привязанные к ветвям, знаки, выложенные битым стеклом на земле и написанные мелом на цветочных горшках; внезапно накатил приступ кошмарной безысходности. Все казалось таким хрупким, таким трогательно обреченным. Потом Джей перевел взгляд на улицу, на закопченные убогие домики с их кривыми крышами, уличными сортирами и окнами, прикрытыми полиэтиленом. Через пять-шесть участков от них на веревке сохло белье. Перед домом двое детишек играли в канаве. И Джо – славный псих Джо, с его мечтами, его путешествиями, его шатто,

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Немецкое белое полусладкое вино из регионов Рейнхессен и Наэ, производится множеством винодельческих компаний. Здесь и далее примечания переводчика.

2

Легкое и нежное «дамское» вино из региона Божоле. (Здесь и далее, если указан регион, но не указана страна, речь идет о Франции.)

3

Фруктово-цветочный ликер сиреневого цвета.

4

Массовое вино из региона Бордо.

5

Земляничный ликер.

6

Драгоценное желтое вино из региона Юра.

7

Изысканное красное или белое вино из региона Сансёр (долина Луары).

8

Фенольные соединения, придают красным винам терпкость и горечь.

9

Сорт черного винограда.

10

«Джонатан» и «Уайнсеп» сорта яблок.

11

Временное жилье (фр.).

12

Композиция британской рок-группы «Queen».

13

Песня американского композитора и либреттиста Стивена Сондхайма.

14

Песня из альбома «The Original Soundtrack» британской поп-рок-группы «10CC».

15

Термин, обозначающий вино определенного года урожая, а также вообще высококачественное марочное вино.

16

«Оранжевый пепин Кокса» и «Красный Макинтош» сорта яблок.

17

Искаж. фр. *potmes de terre* (досл. «земляные яблоки») картофель.

18

На шпалерах (фр.).

19

Пристанище для туристов (фр.).

20

Чепец (фр.).

21

Кофе с молоком (ит.).

22

Корень растения *Ipomoea jalapa*, обладающий, согласно афроамериканскому фольклору, магическими свойствами.

23

Канадский телесериал, представляющий классические фильмы в сопровождении интервью с участниками съемок.

24

Город на Тенерифе, крупнейшем из Канарских островов.

25

Вымышленные хищные растения, персонажи романа «День триффидов» Джона Уиндема.

26

«Полный травник» Николаса Калпепера, английского ботаника, травника, медика и астролога XVII в.

27

Одна из основных программ Би-би-си, передающая поп-музыку.

28

«Disco Queen», песня из альбома «Discomania» британской поп-рок-группы «Hot Chocolate»; «Stand by Your Man», песня Билли Шеррилла и Тэмми Уайнетт, в 1975 г. ставшая хитом в Британии.

29

Историческая область на юге Португалии.

30

Вулканический остров в центральной части Атлантического океана; принадлежит Великобритании.

31

Популярные американские сорта яблок: «Грэнни Смит» зеленые, «Ред делишес» красные.

32

Пресыщенными (фр.).

33

Индийский соус из фруктов или овощей, уваренных с сахаром, пряными травами, специями и уксусом.

34

Вечнозеленый кустарник из семейства вересковых.

35

Комфортабельный поезд дальнего следования (фр.).

36

Гибрид малины и ежевики.

37

Колпак из стекла или пластика для защиты растений.

38

«Good Vibrations», хит американской поп-группы «The Beach Boys».

39

«Combine Harvester (Brand New Key)», хит 1976 г. британской группы «The Wurzels».

40

Крупные французские сети отелей.

41

Комнаты внаем (фр.).

42

Не могли бы вы прямо сейчас отвезти меня в гостиницу? (фр.)

43

Еще далеко? (фр.)

44

Там (фр.).

45

Подождите меня здесь. Я скоро вернусь (фр.).

46

Британские юноши, в 1943—1945 гг. мобилизованные на угольные шахты вместо армии по инициативе Эрнеста Бевина, британского министра труда и национальной повинности.

Мешки с песком кладут под двери во время шторма, чтобы в дом не затекала вода.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhoann-harris/ezhevichnoe-vino-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)